

Леонид Бляхер

# *Сибирская сага*

Афанасий Бейтон



Леонид Бляхер

**Сибирская сага. Афанасий Бейтон**

«Издательские решения»

**Бляхер Л.**

Сибирская сага. Афанасий Бейтон / Л. Бляхер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837799-0

Эта книжка про начало русского Дальнего Востока и не только. В центре судьба героя албазинского сражения — Афанасия Бейтона, немецкого офицера, волею судьбы оказавшегося сибирским казачьим атаманом. О его поисках славы, любви и воли, о жизни простых людей в очень непростом мире идет речь в этой книге.

ISBN 978-5-44-837799-0

© Бляхер Л.  
© Издательские решения

## Содержание

Предисловие	6
Часть первая. РАДИ СЛАВЫ	10
Глава первая. Смоленск	10
Глава вторая. В бою	18
Глава третья. Могилев	27
Глава четвертая. В Сибирь	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

# **Сибирская сага Афанасий Бейтон**

**Леонид Бляхер**

© Леонид Бляхер, 2017

ISBN 978-5-4483-7799-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Предисловие

Забайкальская весна коротка и стремительна. Еще вчера снега, смерзшиеся в твердый наст, покрывали отроги гор, окружающих Великое озеро, скованное панцирем изумрудного льда. Один на другой громоздились между деревьями сугробы, делая непроезжими немногочисленные тропки-дороги. Лишь редкие местные люди – охотники-тунгусы – пробирались на своих коротких и широких лыжах в поисках зверя. Низкое серое небо нависало над полоской гор на горизонте. Колючий ветер бил наотмашь, сдувал снег с вершин сопков, засыпал поземкой глаза случайному путнику, крутил вихри по долинам.

А сегодня словно кто-то сдернул белесое покрывало: гигантский купол небесного шатра налился синевой, вознесся в неведомую высь. Сопки покрылись нежной зеленью, почти на глазах превращающейся в пышное разнотравье. Теплый ветер с гор нес сладкий запах близкого лета. Наступала та краткая пора, когда тепло еще не перешло в летний изнуряющий зной с тучей жужжащей над всякой живой тварью мошки, но зимние холода уже отошли в область воспоминаний.

По долине, сжатой с двух сторон горными хребтами, по извивающейся, подобно змее, между сопков тропе-дороге двигался небольшой отряд. Десятка два всадников, да телеги со скарбом, не торопясь продвигались к ведомой им цели. Люди и животные наслаждались долгожданным теплом, солнцем, добрым духом весеннего дня. В голове каравана, сразу за дозором, опережавшим отряд саженой на полста, ехали двое.

Чуть впереди – высокий и жилистый старик с лицом, покрытым морщинами, точно кора столетнего дерева. Он явно устал от долгого пути, часто вздыхал, порой вытирал со лба набегавший пот. Впрочем, его глаза, выцветшие, как ткань от многолетней носки, смотрели зорко и внимательно, цепляя всякую мелочь вокруг. На поясе у старика висела сабля с золоченым эфесом, в металлических ножнах со вставками из самоцветных камней. Богатая одежда из дорогой ткани, отороченный соболем кафтан с золотой нитью по краям показывали, что едет не простой человек – может быть, боярин или воевода; на худой конец, лихой и удачливый атаман, коими богаты были сибирские земли. Его спутник, одетый не менее богато, был много моложе. Хотя тоже не мальчик – муж с опытом и разумением. Временами отвлекаясь, чтобы подогнать отставших всадников и обоз, он внимательно выслушивал старшего товарища. Сходство между ними свидетельствовало, что едут отец с сыном. Прочие всадники были одеты проще, хотя и небедно. Да и оружия с ними было много больше.

– Вот что, Андрей, – говорил старик сыну. – Как доберемся, даст Бог, до места, нужно сразу казну проверить, списки казаков, запасы пороха. Нет ли у казны долга перед казаками... У людей узнать надобно, часто ли мунгалы досаждают, ведь в прежние годы житья не давали...

– Обязательно узнаю, батюшка, – почтительно отвечал сын. Он уже не первый год был на государственной службе. Не хуже отца знал, с чего начать, как управлять. Но в семье власть главы была абсолютной, а его слава – непререкаемой. Да и не только в семье.

Имя Афанасия Ивановича Бейтона, окруженное былями и небылицами, уже не один десяток лет носилось по сибирским просторам. О «лихом немце», об «албазинском сидельце» слагли песни, а в киргизских юртах и стойбищах других немирных иноверцев им пугали детей.

Только все это было раньше. Раньше старый Бейтон, тогда еще совсем не старый, мог сутками скакать на коне, часами выдерживать бой. Вместе с солдатами или казаками он строил укрепления. Превозмогал голод и цингу. «Милостивым государевым словом», а порой и пушечной пальбой укрощал бунтовщиков...

Да. Было время-времечко, только минуло. Теперь уже вот-вот на восьмой десяток перева-лит. Быстро-то как... Вроде бы совсем недавно держал на руках своего завернутого в куль пер-

венца, Андрейку. А вот смотри ж ты – уже муж зрелый, государевым указом назначен к нему в товарищи...

Бейтон направлялся к новому месту службы, в Удинский острог, приказчиком и казачьим головой. Не сложилась его служба в Иркутске. И с воеводой Савеловым не сошелся, и с восставшими против него казаками не нашел общего языка.

Может, и ладно, что так, думал Бейтон. Зато теперь сам себе хозяин – только перед государем ответ держать. А государь тот далеко. Считай, на себя одного и можешь надеяться. Да на Андрея еще. Эх, не лезть бы уж с советами к нему каждый раз. А ведь не удержишься, так и тянет! Да и не для того, чтоб не забывался малец, – помочь ему хочется, подсобить. А силы-то уже не те, к закату жизнь идет. Считай, уже совсем закатилась. Краешек остался. А там... Может, там и Аринушку опять встречу...

Жену старик схоронил много лет назад. Еще в Москве. Сам тогда не старый был. Только жениться второй раз не стал. Прожил остаток жизни вдовцом. Сам детей поднимал, четырех сыновей: погодков Андрея, Якова, Ивана да младшего Федора. Все уже взрослые. Государевы слуги. Кто в казачьих сотниках, а кто уже и в головах. Только младшенький сынок пошел по толмаческому делу, дьячьему промыслу. Мирный он, не в батюшку. Еще второй, Яков, любит ученость (хотя и пашкой махать тоже обучен: в Сибири без этого и люди уважать не будут, и от врага не оборонишься). Вот Андрей – совсем в него. Да в материн род. Тоже не мирный. Бутурлины.

...Прожил жизнь. А зачем прожил? Кто ж его знает... Жил, как Господь вел. Любил, как сердце прикажет. Служил... царю? Ему, конечно, ибо, как дворянин, службой царю обязан. Но это – позолота: дунешь – сползет. Было еще что-то. Что? И слова теряются. На родном немецком языке таких слов и вовсе не найти. Да и на русском не сразу подберешь. Если вообще подберешь. Одно слово и крутится на языке: воля. Что она такое? Ей, желанной и проклятой, и служил он, ее и искал всю жизнь. А нашел ли?..

Старик поднял глаза к вечеряющему небу, покрытому багряными всполохами облаков в лучах заходящего солнца.

– Ну что, Андрюша, – промолвил он, – пора и на ночевку становиться. Вон уже и вода блестит. Озеро Гусиное. У него и заночуем. А там уж за день и до Удинского острога доберемся.

– Как скажете, батюшка, – склонил голову сын, хотя места ночевки выбирали вместе еще в Иркутске.

Отряд доехал до берега и начал устраиваться на ночевку. Телеги – в круг, лошадей и палатки – по центру. Люди все бывалые; младшие уже зажигали костер, чтобы готовить ужин. Андрей распоряжался, назначал дозорных, смену. Старик шурился из седла на всю эту суету, явно думая о своем.

Вот ведь как выходит. Всего достиг. И полковник, и голова, и большой московский дворянин. Только одно обидно: приходит это тогда, когда оно уже не нужно совсем. Да и давно стало ненужным. Еще в Москве. Лишнее оно. Все лишнее, суетное. А что не суетно?

Старик запрокинул голову на только начинающее погружаться в сумеречный бархат огромное небо. Вот оно и не суетно. Оно – не слава, не звон. Оно – жизнь.

А ведь как хотелось в молодости всего этого, суетного. И славы, чтобы говорили вокруг о нем, старшие младшим пересказывали; и богатства, чтобы не считать мелкие монетки в тощем кошельке неудачливого наемника. Да и отличий хотелось. Когда-то давно это и выгнало его, привычно бедного и безвестного, из отчего дома на войну. Это и толкнуло его в далекую Московию той весной 1654 года (или 7162-го, как принято считать здесь). Да и звали его тогда иначе. Бейтон вспомнил ту весну – весну, когда решилась его судьба. Начался его путь.

\*\*\*

Весна года 1654-го от Рождества Христова выдалась ранняя. Даже в торговом городе Гамбурге на севере Германии поля за городскими стенами уже освободились от снежной пелены, а горожане спешили избавиться от теплых плащей. Стоял погожий мартовский вечер. Слабый ветерок неспешно прогуливался между домами по знаменитому ганзейскому городу – вечному прибежищу людей с горячей кровью и жадой приключений. Солнце опускалось все ниже. Улицы пустели, лавки одна за другой закрывали ставни. Лишь на площади у городской ратуши да в кабачках близ порта и торговых складов жизнь продолжала бурлить. Кабачки и веселые дома зажигали яркие огни, на которые, подобно мотылькам, слетались любители ночного веселья – от состоятельных бездельников и морских бродяг до бедолаг всех мастей и оттенков.

В заведении старика Августа, расположенного в квартале у самого порта, было шумно и смрадно, что, впрочем, совсем не смущало собиравшуюся здесь почтенную публику. Хотя «почтенными» завсегдатаи портового кабачка были разве что на собственный взгляд: моряки, ждущие загрузки судна или только ступившие на берег; мелкие торговцы всем на свете, трясущиеся над каждой медной монеткой; доступные девицы, темные личности самого разного калибра... Но больше всего среди посетителей кабачка папаши Августа было отставных солдат. Лихие вояки, чудом оставшиеся живыми в многолетней войне, прокатившейся по всей империи, теперь пропивали последнее серебро, все еще надеясь на удачу, на то, что кто-нибудь с кем-нибудь да не помирится.

Но, похоже, их надежды таяли еще быстрее, чем серебряные кругляши с профилями царствующих особ. Европа устала от войны. Монархи сообразили, наконец, что еще немного – и воевать будет уже не за что. И так целые области лежали в руинах, поля не засеивались. В городах множились нищие, на дорогах – разбойники. Мир стал навязчивой мыслью и мечтой почти всех жителей империи – от Северного моря до Адриатики, от Бургундии до Польши. Потому и оставалось бравым солдатам пропивать монеты, кружева, плащи, все чаще поглядывая то в сторону большой дороги, то в сторону далекой Америки, где, говорят, серебро стоит дешевле грязи.

За столом в самом углу зала сидели двое, отличающиеся друг от друга, как день и ночь. Один из них был в богатом камзоле, сшитом явно не из домотканого сукна. Пальцы мужчины украшали перстни с драгоценными камнями. Привычного парика, который вполне подходил бы к такому наряду, не было. Уже тронутые сединой волосы были тщательно уложены. Он медленно цедил из серебряного бокала кислятину, которую владелец без зазрения совести выдавал за тосканское вино. Второй был явно беднее и намного моложе. Его облик вполне соответствовал основной массе завсегдатаев. Разве только одежда была чуть целее и добротнее, да глаза выражали не только беспокойство и вызов, но и работу мысли. Он отхлебнул пиво из деревянной кружки и проговорил:

– Повезло тебе, Густав.

– Да, – согласился его собеседник. – Можно и так сказать. Старик благополучно преставился. Так что я теперь и граф, и владетель. Главное, что перед смертью старый хрен простил меня и снова сделал наследником.

– Слушай, может, и я к тебе пойду? Ну, кем-нибудь. Управляющим каким-нибудь. А?

– Альфред, ты на себя посмотри! Ты же солдат до мозга костей. Что ты умеешь, кроме как воевать? Да и гонору у тебя не для управляющего, – усмехнулся старший. – Славу любишь. А в имении какая слава?

– И то правда, – грустно согласился собеседник. – Считаю, лет с семнадцати – только лагерь, марш или драка. Забыл уже, как родной дом выглядит. Однажды захотел родню вспомнить, так даже имен припомнить не смог... И куда мне теперь?

Может, все-таки домой, в Пруссию?



– Да. Хорошая перспектива. Разоренное поместье, голодные крестьяне и все. Да не ждет меня там никто. Похоронили еще лет пять назад, наследство разделили... Хотя бы кто-нибудь воевать начал – так ведь нет! Мир везде. Я уже в долги влезаю понемногу. Скоро пропью патент поручика да пойду разбойничать.

Он вновь пригубил вина. Невеселые мысли о жизни, которая закончилась с последним выстрелом великой войны, вновь охватили его. Двадцать пять лет, и никому не нужен. Веселые дела. Просто животик надорвать от смеха. Все юношеские мечты разлетаются, как пух на ветру.

Старший собеседник тоже молчал, но какая-то идея буквально рвалась из него. Наконец он не выдержал:

– Аль, есть вариант!

– Да? – встрепенулся собеседник. – Какой? Америка?

– Ну, можно и об этом поговорить. Хотя я подумал о другом направлении. На востоке, за твоей Пруссией, есть Московия.

– Знаю. И что? Такая же нищета, как и дома.

– Не совсем. Там у меня есть знакомый. Ну, не совсем знакомый, но судьба сводила. Зовут Герман фон Штаден. У него еще предки перебрались в Московию. Их король собирает наемников для войны с поляками. Что-то они там не поделили. Сам Герман у них капитан, командует полком. Я могу написать ему письмо. А там... Здесь-то у тебя совсем вариантов нет.

Ехать в далекое восточное королевство не хотелось страшно. Да и как ехать? Вот он я! Берите! Хотя... а что он теряет? Здесь ничего нет. А там хоть надежда. Вон, знакомец его бывшего капитана устроился как-то. Может, и ему, поручику Альфреду фон Бейтону, улыбнется старуха Фортуна. Может, не все, что намечталось одинокими ночами в родительском доме, окажется пустым.

– Ладно. Только давай ты напишешь письмо. Если ответ будет положительный, то я поеду.

– Будешь ждать?

– Буду. Делать-то нечего.

## Часть первая. РАДИ СЛАВЫ

### Глава первая. Смоленск

По дороге, петлявшей по лесу между деревьями, неторопливо двигалось несколько телег, крытых рогожей, из-под которой выглядывали бердыши и дула пищалей, показывая совсем не мирный характер путешественников. Рядом с телегами вышагивали солдаты в серых суконных кафтанах, с тоской глядя на палящее июньское солнце в зените и с надеждой – на всадника, возглавлявшего этот невеселый караван. Всадник в сером кафтане из доброго сукна и легкой стальной кирасе, напротив, был собран, подтянут и с явным неодобрением бросал взгляды на унылые лица подчиненных. Тяжкий дух, идущий от болот, окружающих дорогу, жара и комары, облепляющие всякого идущего и едущего, не мешали всаднику. Точнее, он всем видом показывал, что на эти мелочи внимания не обращает. Следом за караваном пристроился еще один верховой, представлявший собой нечто среднее между бравым офицером и не вполне бравым подчиненным.

Это был молодой еще человек, явно не понаслышке знакомый с армейской жизнью. На потертом, но некогда богатом поясе висела шпага в столь же потертых ножнах. Круглый шлем, кабассет, которому полагалось бы венчать чело воина, болтался за спиной. Звали молодого человека Альфред. Его растерянный взгляд блуждал то по окрестным чахлым красотам, то по спинам своих попутчиков. Да уж. Все складывалось совсем не так, как ему представлялось, когда он отправлялся в путь.

...Ответ пришел очень быстро, меньше, чем через месяц. Альфреда ждали. Были готовы признать его звание «капитана и поручика», положить жалование, дать роту солдат. Жалование не очень, всего двадцать дукатов. Но выбирать-то не из чего. Полный радужных планов и вполне резонных опасений, юноша тронулся в путь. Взяв у бывшего капитана взаймы (вернет деньги с первой же оплаты), он прикупил оружия и теплой одежды, поскольку из рассказов бывалых путешественников знал о страшном московитском холоде.

Ехал как мог быстро. Дорогой старался хоть немного научиться понимать язык аборигенов. За беспокойную военную жизнь поручик узнал множество языков. В годы, проведенные в лагерях Ломбардии, Вестфалии, Шлезвига и Лотарингии, он научился языку датчан и шведов, освоил итальянский и польский. Сталкивала его судьба с турками и греками, маврами, испанцами и французами. Польский язык ему особенно помог, поскольку был схож с языком московитов. Постепенно смысл незнакомой речи становился все более понятным, хотя жизнь в стране, к столице которой он следовал, понятнее не становилась.

Поручик очень торопился, но приближался к цели, к несчастью, очень медленно – много медленнее, чем ему хотелось бы. Чем дальше на восток, тем дороги становились хуже. Каменные и фахверковые дома сменились деревянными строениями, сложенными из целых стволов. Деревянными были не только села, но и города, отличавшиеся от сел только размером да наличием стен с башнями.

Шведские купцы, вместе с которыми он пробирался в Москву, двигались неторопливо, с частыми остановками в городках за деревянными стенами. На постоянных дворах, где их караван останавливался на ночевки, было шумно, суетно и беспокойно. Впрочем, беспокоился больше сам Альфред. Купцы, уже много лет торговавшие с московитами, не особенно волновались: они медленно ели местные блюда, пили местные хмельные наливки и освежающий напиток квас; подолгу беседовали с местными жителями о ценах на товары.

– В этой стране торопиться нельзя, – убеждал Альфреда купец Олаф, один из самых молодых шведов. – Московиты – люди степенные и суетливых не любят. Этим они похожи на шведов. Вот вы, господин офицер, все время оглядываетесь, опасность высматриваете. А для местных это – вызов. Не переживайте. Опоздать в Московии невозможно. Время здесь медленное и торопливости не терпит. Успеете.

Альфред не возражал. Какой в том смысл? Но переживал с каждой остановкой все сильнее. Ехать одному молодому человеку не хотелось: здесь, как говорили местные люди, «озоровали на дорогах» – проще говоря, разбойничали. Потому ехать было предпочтительно в большой компании, а еще лучше – с хорошей охраной. Караван их шел почти без препятствий, но медленно, невыносимо медленно. Вот он и опоздал, хотя его и убеждали, что это невозможно. В последних числах мая Альфред, подъезжая к столице Московии, еще был полон самых смелых планов, но... хочешь насмешить небеса – поделись с ними своими планами.

Фон Штадена в городе уже не было. Не было там и короля, которого местные жители называли царь, не было и армии. Правитель вместе со всем воинством отбыл на осаду польской приграничной крепости с невыговариваемым названием Смоленск. Езды до крепости – больше недели. По беспокойным дорогам было просто не добраться. Да и кем ему туда ехать? Звание его не подтверждено, на службу он не принят. Поначалу Альфред решил попытать удачи с начальством, оставшимся в городе.

От купцов поручик выяснил местные правила и остановился в той части города, где было позволено жить иностранцам. Это поселение располагалось за городской стеной – в ближнем посаде, защищенном земляным валом. Называлось оно Немецкая слобода. Здесь жили иностранные купцы, офицеры-наемники, инженеры, которых уже несколько поколений привечали местные владыки. Поручик поселился у вдовы голландского офицера, осевшей после смерти супруга в Москве и державшей постоялый двор на европейский манер. Комнатка была небольшой, но вполне опрятной. Немного смутил Бейтона жалостливый, почти материнский взгляд, которым пожилая женщина посмотрела на него после вопросов, насколько быстро можно скопить в Московии состояние и дружелюбны ли аборигены.

Поселок иностранцев в Москве был чем-то похож на небольшие городки в Германии. Правда, дома и здесь были деревянными, но обликом более напоминали привычные городские дома в Германии или Дании. Да и сам поселок был таким ядрышком дома в чужой стране: прямые мощеные или посыпанные песком улицы, две лютеранских кирхи и одна голландская церковь. Невысокие и аккуратные домики, мельница у малой речки, набережная. Были здесь и трактиры со сдаточными комнатами, где селились купцы, а местные «немцы» и немногочисленные московиты из благородных заходили выпить вина, послушать новости, поесть непривычную пищу.

Сам же город от Немецкой слободы у реки под названием Яуза разительно отличался.

Во-первых, кроме крепостных стен и немногих дворцов (в цитадели или возле нее) он был составлен из домов, построенных из особых крест-накрест сложенных конструкций, именуемых срубами. Богатые дома тоже строились из срубов. Только самих срубов было больше, и соединялись они особыми переходами. Часто надстраивался второй и третий этажи, украшаемые башенками и резными наверхиями. Выходило нарядно и празднично. Все из дерева. Местные «немцы», как здесь именовали всех иностранцев, быстро объяснили Бейтону, что это – не от бедности или дикости, как ему подумалось изначально. Просто леса здесь в избытке, а камня не хватает. Да и теплее в деревянном доме. А холода зимой здесь, в Московии, невероятные. В Германии было наоборот. Не то чтобы уж очень тепло – лес стоил дорого, поэтому предпочитали камень.

Во-вторых, улицы мостились (по той же самой причине) деревянными плашками, мостками, а не каменными брусками, как в империи. Это было удобно и красиво. Хотя дерево,

в отличие от камня, гниет, но от грязи предохраняет лучше, и городского зловония меньше. А заменить прогнившие мостки при изобилии леса вокруг было совсем не сложно.

Сами улицы расходились лучами от центра к посадкам. Переулки же путались самым причудливым образом. Дома здесь были окружены высокими заборами, наглухо запиравшимися на ночь. Заборы тоже были деревянными, высокими, больше человеческого роста. По вечерам переулки перегораживали деревянными же кольями, рогатками. А по главным улицам и в районах проживания знати ходили дозоры из местных мушкетеров – стрельцов.

Цитадель – каменная, большая. Стены больше семидесяти локтей в высоту с затейливыми зубцами, мощные башни. На нескольких башнях – часы с боем. Впрочем, крепость эта, скорее, была не для обороны, а для отделения города с его шумной и суетливой жизнью маленьких людей от мира господ, этим городом и всей страной владеющих. Там, за стенами цитадели, и находилась власть: огромный царский дворец, греческие церкви с золочеными куполами, резиденции ближних советников, которых зовут бояре, воеводы и дьяки.

После долгих мытарств Альфред дошел до чиновника, именуемого здесь дьяк, и попытался попасть на прием к местному главнокомандующему, которого называли «большой воевода-батюшка». Бейтон не смог понять, что это – имя или название должности. Впрочем, оно и не пригодилось. Его не приняли. Было сказано, что на такой прием нужно записываться заранее, за много дней. Причем, могут и не принять. Когда поручик с понурой головой выходил из ворот цитадели, так и не попав во дворец, стражники в красных камзолах обидно шутили по его поводу, указывая пальцем. Бейтон был настолько удручен, что даже не попытался вызвать их на поединок. Впрочем, иди знай, как здесь принято сводить счеты с обидчиком?

Молодой поручик уныло бродил по лабиринтам улиц незнакомого города, не представляя себе дальнейших действий. Пытался зайти в московскую корчму – заведение, напоминающее своих европейских собратьев, но менее предрасположенное к веселому времяпрепровождению. Люди ели, пили, громко разговаривали, иногда спорили. Здесь же располагались представители официальных служб. Можно было, не отрываясь от еды и питья, подать прошение или составить жалобу. Но ни музыки, ни ласковых барышень не наблюдалось. Словом, в корчме, или иначе – кабаке, ему не понравилось. Вино плохое. Есть местные пьянящие напитки, но они слишком крепкие или сладкие до приторности. Альфред чуть не отдал Богу душу, привычным глотком отхлебнув «хлебного вина», оказавшегося воистину огненным, чем-то напоминающим шотландский напиток «виски». Завсегдатаи кабака громко и обидно засмеялись, но подали несчастному поручику запивку и кислое яблоко, чтобы закусить.

Кухня тоже непривычная – много муки, пресно, хотя и сытно. Да и неуютно было в русском кабаке. Не любили иностранцев в Москве. Собственно, их нигде особенно не жаловали. Но в Гамбурге, Антверпене или даже в Кенигсберге к ним привыкли. Здесь же взрослые на него косились, а стоило ему выйти на улицу, мальчишки – самые невыносимые создания во всем мире – принимались кричать вслед обидные слова на своем языке.

Альфред, медленно погружаясь в отчаяние, днями просиживал у маленького оконца в снятой им комнате. Честолюбивые мечты таяли, как серая снежная куча под жарким солнцем. В городе, хоть и столичном, цены были очень невысокие, но деньги понемногу кончались, а выхода не было. Спасло чудо. Хотя спасло ли?..

Вечера Бейтон проводил в заведении, располагавшемся на первом этаже дома, где он жил. Сидя в трактире, он по привычке слушал разговоры вокруг. Посетители, в основном служилые иностранцы, пересказывали новости и местные сплетни, делились надеждами и опасениями. Собственно, это мало чем отличалось от гамбургского кабака, который и стал поворотным местом в жизни офицера.

Надежда была на начавшуюся войну, с которой связывали продвижение, награды и многое другое. Как понял Бейтон, самое важное здесь (да разве только здесь?) – попасть на глаза

начальству. Без этого и подвиг за подвиг не зачтется. Страхи были иные. Оставшихся в столице и гарнизонах офицеров переводили на «половинное жалование», которое нередко задерживали. Страх был и перед непонятной и громоздкой русской государственной машиной.

Но главный страх был связан, как понял поручик, с какой-то Сибирью. Это была область, расположенная невероятно далеко на востоке. Туда часто отправляли и пленных иностранных офицеров, и недавно прибывших наемников, еще не обросших местными связями. Туда ссылали и тех, кто совершил преступления или просто был оболган местными чиновниками, что, как понял Бейтон, не было редкостью. Там, на краю света, в маленьких крепостях, лишенных даже самых простых удобств, офицеры должны были учить правильному бою диких местных жителей, чтобы они сражались с еще более дикими кочевниками, нападающими на городки и данников московского царя. Многие и не возвращались оттуда. Как-то немолодой военный за соседним столом громко рассказывал своим собеседникам о знакомце, который дал дьяку (так называли здесь важного чиновника) большую взятку, чтобы избежать посылки в эту Сибирь.

В один из вечеров за стол Бейтона присел веселый и дружелюбный офицер. Бейтон, соскучившись по хорошей беседе, предложил разделить с ним трапезу. Неожиданно завязался разговор. Альфред вдруг выложил перед случайным в тот момент человеком долгий рассказ о своих мытарствах. Тот оказался отличным слушателем. Прихлебывая из бокала и временами сочувственно кивая, он внимал эмоциональной речи Бейтона. Выслушав, заговорил сам.

Поручик, которого звали Отто фон Менкен, был из «солдатского полка», которым командовал фон Штаден. Точнее, командовал полком голландец Филипп ван Букховен, которого русские звали Фонбуковин. Генрих фон Штаден же в сем полку – подполковник, или, как говорят местные, – «полуполковник». Его слово много значит. Судьба Отто в чем-то была похожа на судьбу Альфреда, на судьбу всех наемников. Родом он тоже был из Пруссии. Хотя были в его судьбе и особенности: Отто не пришлось бежать от нищеты – он бежал от тонзуры.

Младший сын в богатом аристократическом семействе, близком ко двору Бранденбургского курфюрста, любимец дам, *enfant terrible*, как говорят французы, после смерти родителей остался не у дел. Старшие братья решили направить его на церковную стезю. Проще говоря, затолкать в монастырь. Эта перспектива совсем не радовала юного ловеласа. Потому и пошел в наемники. В Большой войне участия почти не принимал. Хотя служил у шведов. Потом нанялся учить московские полки. Здесь уже четыре года. Полк сразу ушел под Смоленск. Но фон Менкен был оставлен, чтобы подвезти припасы для русских (себя жители называли русскими, а страну – Русью или Россией, имя «москвиты» не любили), пушки и оставших солдат.

Много говорил о жизни москвитов. В отличие от большей части посетителей, рассказывал с уважением и интересом. И даже о Сибири он рассуждал как-то иначе. Да, служба тяжелая, а места дикие и опасные. Но многие офицеры возвращались оттуда богатыми, как древний царь Крез. При рассказе о сибирских богатствах глаза нового знакомца вдруг сделались влажными и колкими, заблестели. Впрочем, только на миг.

Рассказывал фон Менкен и про армию, где, по всей вероятности, Бейтону предстояло служить. Словом, поручик, решив помочь земляку, предложил отправиться в лагерь русских под Смоленск. По его мнению, письмо с приглашением станет вполне надежным пропуском, поскольку приглашающий – «из старых немцев» (давно проживает в России) и имеет связи. Предложение было с восторгом принято, ибо это был хоть какой-то выход.

Вот и сейчас Бейтон терпеливо ехал по разбитой от прохождения многочисленных войск дороге вслед за отрядом своего неожиданного приятеля. Как-то все неладно, тревожно. Но он хотел войну – на войну и едет. Значит, все хорошо? Ой, не понять. Непонятно все.

Дорога покинула лес и теперь шла среди невысоких холмов, поросших травой. Стало легче. Какой-никакой, а ветерок. Да и кровососы отстали. Вдали заискрилась на солнце река. Солдаты зашагали бодрее и даже затянули песню на русском языке, пока еще не вполне понятном для Альфреда. Хотя смысл он улавливал. Вся семья солдата – армия и оружие. Больше у него ничего нет. Об этом же пели солдаты в Лотарингии, Померании, Дании, Италии – везде, где носила поручика нелегкая доля.

Солнце, наконец, смиростивилось над путниками и двинулось к горизонту, обещая прохладу и отдых.

– Halt! Стоять! – крикнул его знакомец, придержав поводья. – Привал.

Фон Бейтон подъехал к командиру.

– Далеко еще до крепости?

– Недалеко, дружище. Думаю, завтра к вечеру будем на месте. Там я вас и представлю Александру Лесли, которого русские зовут Абрам Ильич. Он командует всеми солдатскими полками. А дальше – как он решит. Сами понимаете.

– Конечно. Я так вам обязан, Отто.

– Не стоит благодарности, – весело отмахнулся офицер. – Нас, германцев, здесь мало. Мы должны помогать друг другу. Чем забивать себе голову будущим, лучше отдохните хорошенько. Скоро солдаты сварят местную армейскую похлебку «кулеш». Очень интересное блюдо. Овощная похлебка на шкварках. Но будьте осторожны: потом можно получить проблемы с желудком, а лекари здесь отвратительные.

Он весело засмеялся, а Бейтон соскочил с лошади, стреножил ее и направился к солдатам, начинающим готовить ужин.

\*\*\*

Крепость Смоленск – собственно, не просто крепость, а большой город – производила впечатление. Мощные укрепления даже со стороны реки. Наверняка сильный гарнизон. Но еще большее впечатление произвел лагерь русских. Он был огромным: тысяч тридцать (а может, и сорок) солдат и местных мушкетеров, которых по-русски называли «стрельцы». Их палатки разного цвета, землянки и срубы располагались по всему лагерю, но не ровными рядами, привычными для поручика, а, скорее, «соседними селениями», где каждый ставил свое временное жилище так, как ему рассудится за благо. Палатки солдатских и рейтарских полков располагались стройными рядами с ограждениями и боевым охранением. Были еще странные иррегулярные отряды легкой конницы, которых называли «казаки». Собственно, насколько понял поручик, именно на их защиту и встал русский царь. Прежде они служили полякам, но отошли в русское подданство.

Было некоторое количество плохо вооруженных людей, называвшихся «поместное ополчение». Как позже оказалось, именно из таких отрядов, снаряжаемых русскими феодалами в зависимости от размера и богатства владения, прежде и состояла армия русского царя. Среди них были и вполне сильные и обученные формирования. Однако разница в вооружении и подготовке делала армию не особенно боеспособной. Но постепенно ситуация менялась. Сначала стрельцы, а теперь еще солдатские полки, драгуны и рейтары стали основой войска. Поместные войска были уже меньше десятой его части.

В центре лагеря, огороженного частоколом, высились шатры аристократии и военного командования. Каждый шатер – из яркой материи, с гербом владения рядом с входом, со стражниками «из своих» воинов в парадном облачении. Самым большим был походный шатер московского царя Алексея Михайловича. По существу – полевой дворец со всеми необходимыми для временного пребывания монарха строениями и учреждениями. Возле него высилась огромная хоругвь с копыеносцем, поражающим змея. Перед входом толпились какие-то про-

сители, робко поглядывая на отряд стражников с высокими красными шапками на головах и в суконных камзолах такого же цвета; в руках у стражи были бердыши и сабли.

Едва поручик успел привести себя в порядок, новый знакомец повел Альфреда в шатер, стоящий хоть и совсем рядом с царским, но несколько сбоку. Был он поменьше и попроще остальных.

– Здесь живет крещеный в русскую веру шотландец, Александр Лесли, – объяснил Отто. – Он – главный советник царя и руководит осадой. Постарайся ему понравиться.

Для представления Альфред надел лучший, почти новый камзол, нацепил легкие латы, чисто выбрил подбородок и теперь старался придать себе уверенный и бравый вид. Рекомендательное письмо от капитана и ответ Штадена лежали за пазухой рядом с патентом поручика. Перед палаткой стояли два стражника в синих камзолах с теми же бердышами в руках. Но фон Менкена они знали и, перекинувшись парой слов, пропустили внутрь.

Палатка была вполне обычная. Ну, может, немного побогаче, чем те, что десятки раз доводилось видеть Альфреду. Вон в углу настоящая кровать. В походе это роскошь. На кровати лежит шуба из дорогого меха, шкурами зверей устелен пол. В углу – окованный медью большой деревянный сундук. Сама палатка установлена не на земле, а на невысоком деревянном помосте. Стол с разложенным планом крепости. За столом – двое. Один уже пожилой, лет сорок – пятьдесят. Второй – моложе. Оба в русских камзолах с цветными вставками, расшитых золотой нитью и отороченных богатым мехом. Бейтон уже понимал, что это – показатель статуса, что богатая одежда в России имеет очень большое значение. Это стоит взять на заметку. В Европе с этим было несколько проще – генералы и даже иные монархи бравировали простотой в быту и близостью к солдатам.

Услышав входящих, старший офицер поднял голову и вопросительно посмотрел на них.

– Господин генерал! – отрапортовал Отто. – Поручик Белгородского солдатского полка Отто фон Менкен прибыл с полусотней солдат и грузом пороха и снарядов для мортир и пищалей.

– Хорошо, поручик, – медленно произнес хозяин шатра. – Передайте все по описи. – Потом перевел взгляд на Альфреда: – Кто с вами?

Альфред сделал шаг вперед, склонил голову, щелкнул каблуками и отрапортовал на немецком:

– Прусский дворянин Альфред фон Бейтон, хотел поступить на службу. Имею патент поручика, а также приглашение подполковника фон Штадена.

Он достал бумаги и протянул их генералу. Тот, быстро пробежав листки, кивнул.

– Что ж, боевые офицеры нам нужны. Рекомендации у вас самые хорошие. В каких кампаниях участвовали, поручик?

Альфред понял, что его чин подтвержден. Уже хорошо.

– Начал службу в баталии под Нердлингенем. А патент поручика получил из рук генерала Галласа в Лотарингии. Участвовал в сражении при Безансоне. Служил в Дании. После заключения мира жил в Гамбурге.

– Хорошо. Сейчас представьтесь полковнику ван Букховену и подполковнику фон Штадену и скажите, что ваш прием на службу согласован со мной. В полковой канцелярии вам выдадут все бумаги и деньги. Фон Менкен, задержитесь.

Генерал кивнул, показывая, что разговор окончен. Альфред еще раз щелкнул каблуками, браво развернулся и вышел. Но, выйдя из шатра командующего, он резко сбавил шаг. Легко сказать: идите к полковнику. Он его даже в глаза не видел. Где его искать? С другой стороны, он офицер, а не барышня, которую нужно довести до места под ручку. Кто будет считаться с офицером, который не смог даже найти свой полк в лагере? Должен разобраться. Бейтон разозлился. И со злостью пришла уверенность и... наглость. Он про себя долго складывал еще не совсем привычные русские слова и, наконец, обратился к стражникам:

– Добрые люди, где я могу найти полковник Фонбуковин?

– Ишь ты, – удивился стражник. – По-людски балакает. Да что его искать? Вестимо где – у себя. Иди, мил человек, прямо, а потом направо. Как увидишь, где палатки зеленые стоят, – это его полк и есть. Там и спросишь.

Альфред понял не все, но решил положиться на интуицию. И не зря. Вскоре он уже повторил свой доклад перед невысоким, похожим на ворона подполковником. Полковника на месте не оказалось. Он был при монархе. Но и подполковника хватило.

Волновался, как оказалось, он зря. Все вышло вполне буднично. Подполковник подтвердил свои слова, сказанные в письме, и отправил с тыловым чиновником, которого здесь называли подьячий, для выправления бумаг. Подьячий долго писал в каких-то бумагах, почему-то рассказывал про свою бедность и многочисленное семейство, дивился большому жалованию поручика, но, в конце концов, выправил все необходимые бумаги. Позже поручик узнал, что он нарушил едва ли не важнейшее требование в отношении к русским тыловым службам. Он «не подмазал» чиновника, то есть не дал ему подарка. Но тогда неведение спасло. Видимо, подьячий понял непроходимую тупость иностранца и отпустил с миром.

Бейтон назначался одним из двенадцати ротных командиров полка Фонбуковина, как здесь называли его начальника. Под командование ему давалась рота солдат, а звание звучало как «капитан и поручик», то есть ротный командир. В пользование нового поручика передавалась палатка, недалеко от палатки полкового командира, слуга из солдат, которого называли «денщик», довольствие и оружие из казенного арсенала, двадцать рублей годового жалования. Под его началом будет сто шестьдесят человек. В их числе два прапорщика, шесть сержантов, двенадцать капралов и прочие лица в соответствии с ротной росписью. Все обычно. Как всегда. Ну, почти, как всегда.

В Европе (к примеру, где-нибудь в Италии) это были бы не особенно хорошие условия и небольшие деньги, но на Руси и в Польше царила невероятная дешевизна. Альфред сразу отложил три золотых, чтобы при случае отдать долг своему бывшему капитану, разложил в палатке свой нехитрый скарб, отдал распоряжение денщику, рябому парню по имени Николай, и приказал построить роту.

Из разговоров с Отто, который отбыл в свою роту сразу после визита к генералу, он уже знал, что основной состав полков солдатского строя (так называли здесь европейский тип армии) составляли бывшие крестьяне, взятые по одному человеку с определенного числа дворов. Если поместные войска («боевых холопов») хоть как-то учили, а стрельцов учили и того лучше, то это были самые обычные крестьяне, оторванные от привычных занятий. За службу им выдавались из казны по серебряному рублю денег и по шесть гектаров (здесь говорили «десятин») земли. Но учили их плохо. На лето в мирное время распускали по домам. Иноземцев среди солдат было очень немного, и они были сведены в отдельные подразделения, бывшие при особе государя. Понимая, кем ему предстоит командовать, он от своих подчиненных особо ничего и не ждал. Это спасло его от жесточайшего разочарования. Солдаты с трудом держали строй, плохо ухаживали за мушкетами, саблями. О сложных перестроениях и речи не шло. Правда, приветствовали нового командира они дружным и бравым рыком, но этим их умение и ограничилось.

Прапорщики были совсем молодые люди, без боевого опыта. Оба были из русских дворян, точнее, как здесь говорили, детей боярских. Обычно дворян брали в драгуны или рейтары. В солдатские же полки переводили за провинности или по наговору. Да уж, помощники. Бейтон от греха подальше отослал их проверять наличие и качество оружия, а сам начал учение с солдатами и младшими командирами.

Первым делом он заставил всех вычистить мушкеты. Сам показывал, как это делается, проверял, подгонял нерадивых. Потом точили сабли. Тоже оказалось делом непростым. Число порезанных пальцев росло с невероятной скоростью. Два дня Бейтон потратил просто на то,



чтобы научить их держать оружие в порядке, быстро заряжать и разряжать его. После долгого и тайного – чтоб не уронить авторитет командиров перед подчиненными – обучения прапорщиков он смог переложить эту часть заботы на них. С пиками дело шло лучше. Оказывается, у русских есть похожее и распространенное оружие – рогатина. Но без строя это умение стоило немного. А строя не было. Пришлось учить самым началам построения и перестроений. Немало работы после проверки оружия нашлось и для ротного оружейника. Многие замки и фитили в мушкетах были неисправны. Заботы, заботы, заботы. Словом, впору сесть и завывать на луну. Вечером засыпал за бокалом вина с такими же, как он, измученными офицерами. Но дело двигалось.

Постепенно, шаг за шагом, солдаты освоили науку залповой стрельбы, стрельбы полутоннами, повышающей плотность огня, искусство перестроений, научились работать пиками, выстраивать каре. Словом, делать то, что отличает солдат от вооруженных оборванцев. Не все так плохо оказалось и с прапорщиками. Дело было не в пьянстве или самовольстве. Просто оба его заместителя происходили, как и он, из дворян бедных и провинциальных, не имеющих поддержки в столице. Хотя опыта им действительно не хватало, но учились они охотно и старательно. Столь же старательно выполняли распоряжения своего командира. Особенно после того, как его чаяниями им было выплачено задерживаемое жалование. Отношения складывались хорошие, правильные. Без панибратства, но в дружбе и взаимопонимании. С остальными офицерами полка помог сойтись Отто, отношения с которым постепенно перерастали в настоящую дружбу. Впрочем, особенного времени на дружбу ни у Отто, ни у Бейтона не оказывалось. Занятия с солдатами отнимали все.

Поручик навел порядок и с продовольствием для солдат. Учить и кормить – так делали его командиры в юности, так собирался поступать и он. Хороший командир воюет лопатой и кашей, а уж потом оружием, говорил ему его первый капитан, старик Ганс Крюгер. Но здесь, в русском войске, исполнение этого правила стоило Бейтону многих седых волос, поскольку обворовывали солдат все, и зазорным это не считалось. Умение же солдата самому найти себе пропитание входило в перечень необходимых доблестей. Местные интенданты не то чтобы испугались его, но решили не связываться со скандалистом. Воровать не перестали. Но «совесть имели». Результат не замедлил сказаться в солдатских котлах.

## Глава вторая. В бою

– Батюшка Афанасий Иванович, – подошел к Бейтону молодой казак. – Извольте в шатер. Обопритесь мне на спину. Вот.

Бейтон недовольно покачал головой. Совсем его в старики записали. Вынул ногу из стремена и спрыгнул с коня. Не совсем удачно. Нога подвернулась. Больно-то как. Но виду не подал. Чуть прихрамывая, прошел в палатку, наскоро разбитую для него подчиненными.

В палатке было душно. Почему-то пахло не свежестью, а сыростью и плохо выделанными кожами. Или так показалось Бейтону. Задерживаться здесь не хотелось. Да и Андрейка еще возится. Он вышел наружу и не торопясь подошел к костру. Казаки, сев в круг, собирались вечерять. Вот с ними и посижу. Но тут подскочил давешний парнишка, пытавшийся помочь Бейтону сойти с коня.

– Афанасий Иванович! – зачастил казачок. – Вас Андрей Афанасьевич вечерять зовет.

Бейтон огляделся. Идти в палатку не было сил. Уж больно хорошо вокруг. Запах-то какой весенний! От озера свежестью веет...

– Пусть сам вечеряет. А я здесь, с казаками. Пустите, люди добрые?

– Садись, атаман! – промолвил старший. – А ты, Кузьма, подвинься и место дай Афанасию Ивановичу.

У старика на душе потеплело. Атаманом кличут. Не головой, не барином, не воеводой. Своим считают. Это многого стоит. Атаманами в Сибири казаки звали «своих», признаваемых ими начальников.

Бейтон присел к костру. Казаки примолкли. Какое-то время люди молчали, глядя на кипящее в котелке варево, на невысокий огонек костра. Молчал и Бейтон, неторопливо чертя что-то веткой на земле.

– А что, Афанасий Иванович, – начал разговор старший. – Говорят, ты и на поляка ходил?

Казаки знали слабость Бейтона вспоминать молодые годы. Да и было что вспомнить – лихую жизнь прожил старый полковник.

– Ходил. Еще молодым был. Под Смоленском, под Ригой. Наш царь-батюшка Алексей Михайлович тогда ляхов знатно укротил.

– А расскажи про то дело.

Бейтон задумался. Вспомнил себя – молодого честолюбивого поручика, готового на любой риск ради славы, ради... Бог знает чего. Сейчас и думать об этом смешно. Или не смешно.

– Ну, слушайте, коли не лень. Стояли мы тогда под городом Смоленском...

\*\*\*

Дела с осадой шли как-то необычайно неторопливо. Огромное войско стояло под Смоленском, обложив его со всех сторон. Тяжелые пушки стреляли по стенам и башням каменными ядрами, нанося немалый урон. Но приступа не было. Тем временем множество малых городков сами переходили на сторону русских. К царю то и дело прибывали делегации от горожан, целовавших руку и клявшихся в вечной верности. Даже за то время, что Бейтон находился в лагере, прибыло три таких посольства от жителей поднепровских городков.

Царь ласково принимал все посольства, одаривал их. Но класть армию на стены не спешил. По рассказам ветеранов, это было много лучше, чем четверть века назад, когда отец нынешнего государя положил под Смоленском едва не половину всех воинов, а город так и не взял. Теперь все шло к тому, что горожане, обложенные русской армией, лишённые подвоза продовольствия, сдадутся сами. Для того русский царь и привел такое войско под стены. Оно побеждало, даже не вступая в сражения.

Дело, как понимал поручик, было еще и в том, что высшая аристократия Польского королевства и их подданные настолько различались по образу жизни, языку, вере, что их можно было бы счесть двумя разными народами. Этот разрыв и стал трагедией Польского королевства. Если в годы царствования мудрого и осторожного Владислава IV, о котором с уважением рассказывали даже шведские головорезы, это обстоятельство было не столь очевидно, то в междоусобицу и при новом правлении стало выходить на поверхность. Для подвластных людей Московский царь оказывался скорее защитником, чем противником.

Наверное, и Смоленск давно бы выслал выборных с ключами от города, но гарнизон его составляли не местные войска, а гордые польские шляхтичи и воинственные венгры, присягнувшие королю. Потому и тянулась осада. Пока же полк Фонбуковина или Белогорский полк были больше готовы к царскому смотру, чем к быстрым маршам и баталии. Это и пытались изменить офицеры. Они старались учить солдат не параду, а бою. Уничтожить врага и остаться живым.

Но самому Альфреду, хотя учил он старательно и успешно, чего-то не хватало. Учеба шла, но без огонька. Это начинало все сильнее беспокоить его. Ведь с этими солдатами ему идти в атаку. Офицер оставался для солдат чужим. А ведь именно они, солдаты, будут прикрывать его спину. Как-то нужно купить сердца этих людей. Как русские говорят: мужиков. Да-да. Нужно привязать сердца этих крестьян, которым выдали мушкеты, пики и палаши. Без этого они не станут солдатами, его солдатами. Без этого они дрогнут в самый неподходящий момент, а один побежавший в разгар боя – смерть всей роте. Такое Бейтону тоже видеть доводилось.

Офицеры других рот выходили из положения за счет рукоприкладства, жестких наказаний. В общем действовало, тем более что крестьяне привыкли к такому обращению. Так воспитывали солдат почти во всех армиях мира. Офицер-дворянин буквально вколачивал воинскую мудрость в деревянные крестьянские головы, ставшие солдатскими. Не брезговал пройтись по физиономии бездельника или лгуна и сам Бейтон. Но это было не то. Глядя на огромный лагерь под Смоленском, он понимал всю несоизмеримость гигантской державы и собственного скромного положения. Выбиться из него (а этого очень хотелось) можно было, только имея в руке идеальное оружие. Рота и должна стать таким оружием. Но и это было не единственным.

Бейтон много лет был вольным наемником. При всем том, что армии всегда и везде строились на дисциплине и жестком ее насаждении, у наемников царила особая атмосфера: на собрата-наемника можно было поднять руку, только если задета честь. И нанимали их не по одному, а всей баталией. Внутри же они воспринимали друг друга как ближайших родственников. Тем более что у многих другой родни, кроме роты, и не было. Чужих можно и обмануть; это было не зазорно во многих случаях. Но не своих. Этого не прощали. Он был всегда уверен, что его брат-наемник прикроет его в атаке, поможет в обороне. И по отношению к любому батальеру он был готов действовать так же.

Здесь этого не было. Солдаты слушались, подчинялись. Но не любили своих офицеров-басурман, то есть иноверцев. Где-то даже презирали их. Своих «воевод», как успел понять Альфред, тоже жаловали не особенно сильно. Они жили своей, отдельной, жизнью. У них были свои авторитеты и принципы. Собственно, офицерам, получавшим жалование, это было безразлично. Бейтону – нет. Жажда чего-то большего, чем честная отработка жалования, жгла его изнутри. Для того чтобы это большее стало реальностью, нужна не тупая дисциплина, а преданность. Именно с этими солдатами ему идти в бой. Они – его путь из неизвестности к славе и богатству. Даже, может быть, могуществу. Именно из них он выкует свое совершенное оружие. Должен выковать. Он искал путь к душам этих людей и не находил его. Но однажды случилось.

Утром, после развода, Бейтон разучивал с солдатами новое упражнение. Во время очередного перестроения со стрельбой молодой солдат пострадал. Неисправный мушкет взорвался в его руках, опалив волосы и кожу на лице, руки. Ожог и порезы были изрядными.

Высокий и крепкий мужчина теперь лежал на земле в натекающей луже собственной крови и тихонько скулил от боли. Альфред бросился к нему. Омыл раны хлебным вином из фляжки, перебинтовал. Солдаты удивленно смотрели на поручика. Это было здесь, как бы сказать, не вполне принято. Солдат, крестьянин, посадский человек – люди из одного мира, а офицер и дворянин, не говоря уже о боярине – это мир другой. Миры эти живут рядом, но отдельно. Но поручику было не до условностей. Это был его солдат!

Только один из самых рослых людей его роты, сержант по имени Егор Гвоздев, суетился рядом с пострадавшим. Но суетился как-то бестолково. Альфред зло посмотрел на него и погнал за лекарем. Сам взял раненого на руки и бережно понес в направлении лекарской палатки. Лекарь уже спешил навстречу. Но, увидев, что пострадал не поручик, а солдат, заметно сбавил скорость.

\*\*\*

День у полкового лекаря Курта Вайскерберга не задался с самого утра. Вечером так хорошо посидели с двумя поручиками из родной Вестфалии. Он не пожалел для такого дела даже пары бутылок мозельского вина, хранившихся неизвестно с каких времен. Говорили о доме, о варварской Руси, куда их нелегкая занесла. Рассуждали о диких казаках и стрельцах. Смеялись над нелепой пышностью и помпезностью русских царедворцев. Делились планами на будущее.

Эх, будущее... Каким еще недавно оно виделось молодому медикусу? Почтенный доктор медицины в небольшом городке в Пфальце, где его уже ждали. Он будет важно ходить по городу. Непременно с тяжелой резной тростью из красного дерева. Важно и чинно отвечать на приветствия. Давать советы, которые все жители будут воспринимать почти как слово Божье, щедро вознаграждать его труды. Самое почетное место на воскресной службе в церкви – его. Вечерами он будет сживать в компании местных уважаемых людей за бокалом вина или чашечкой кофе. Женится на богатой наследнице. Построит большой дом, наплодит кучу детишек.

Не вышло. Проклятый молочник, которого он взялся лечить от простуды, не пожелал выздоравливать, а потом и вовсе умер. В его смерти глупая родня решила обвинить незадачливого медикуса, хотя все делалось строго по науке. Ситуация грозила обернуться самым незавидным образом. Пришлось бежать. И вот он здесь – лечит грубых наемников и русских бар.

В принципе, здесь проще. Лечат в основном молитвами. Если больной помер, то и ладно. Судьба у него такая. Солдат так и совсем не лечат, отправляют умирать. Жалование, конечно, невелико. Но для предприимчивого человека в дикой стране есть много возможностей. Даже ближайшим друзьям Курт не рассказывал о небольшой шкатулке, где хранилось и росло его будущее. Монетка к монетке. Еще пара лет – и можно бежать из этой странной Московии. Завести себе домик с виноградником. Смотреть вечерами на неторопливые воды Мозеля, на древние руины, сохранившиеся, как говорят, еще с римских времен.

Только это потом. А сейчас – отвратительное чувство во всех внутренностях, тошнота и полное нежелание вставать. Воистину говорят мудрые люди: утро добрым не бывает. А вставать надо. Хочешь ты или нет, но нужно обойти больных, пройти по ротам. А там еще что-нибудь всплывет. Господи, как же хочется остаться лежать в прохладной палатке с закрытыми глазами. Но у палатки завозились. Как же все это некстати... Может, пронесет? Может, не ко мне? Не пронесло.

– Господин дохтур, вас зовет наш поручик Бейтон! – скороговоркой проговорил рослый мужик, судя по форме – из солдат.

Кряхтя, медикус поднялся. Опрокинул в глотку остатки вина из глиняной чаши у постели. Немного полегчало. Что за черт там у этого Бейтона?! Все с ним не как у людей.

Торчит сутками с солдатами на плацу. Ругается с интендантами. И сейчас опять где-то набедокурил. Хоть бы поскорее голову себе свернул.

– Передайте поручику, что я сейчас иду, – выдавил из себя Курт и принялся одеваться.

\*\*\*

– Здравствуйте, господин поручик, – промолвил он не особенно приветливо. – Что у вас стряслось?

– Солдат пострадал во время учения.

– Это его судьба. Нужно написать рапорт по инстанции и отправить его домой.

– Там он умрет.

– На все воля Всевышнего! – воздел горе глаза лекарь.

Альфред медленно положил пострадавшего на носилки, распрямился, после чего быстрым движением схватил лекаря за лацканы кафтана и вздернул вверх.

– Слушай меня, клистирная трубка! Это мой солдат. Ты его вылечишь, и я, поручик-капитан Альфред фон Бейтон, тебе заплачу. Если же нет... Ты меня понял.

Он медленно, очень медленно поставил лекаря на землю. Тот тяжело дышал, тараща непонимающие глаза.

– Ты все понял?

– Да, да, Ваша светлость.

Альфред про себя хмыкнул графскому титулованию, но только кивнул и повернулся к солдатам и крикнул по-русски:

– Вы все видите, что бывает, если оружие чистить плохо. Сегодня будем снова учить чистить мушкет и драться. Прапорщик Семенов – вести первый полутонг учить чистить оружие.

Солдаты почему-то весело загудели. Что-то изменилось в их тоне. Это «что-то» очень понравилось Бейтону. Вечером Бейтон, уже собираясь помолиться перед сном, услышал, как кто-то топчется перед входом в его палатку. Бейтон заворчал, но высунулся.

– Кто черт принес? – спросил он.

Перед палаткой стоял высокий сержант, который так бестолково пытался помочь ему днем.

– Прости, барин! Поблагодарить хотел за брата, – нерешительно сказал он и опустил глаза. – Не побрезгуй.

Он протянул глиняный горшок с каким-то содержимым. Альфред осторожно приоткрыл крышку – мед.

– Это нам из деревни сродственники прислали, – радостно объяснил солдат, видя, что «барин не гневается».

Альфред растерялся. Согласно любому уставу, это была взятка и грубейшее нарушение субординации. В то же время это было так понятно, так по-человечески.

– Я благодарить! Спасибо! – ответил он на русском языке, чтобы солдат понял. Он покопался по карманам, нашел мелкую серебряную монету, которую по изображению копыеносца именовали «копейкой», и протянул своему неожиданному визитеру.

– Это есть тебе, что был помогать. Тоже спасибо! – усмехнулся Альфред.

Видимо, сержант (или, иначе, – пятидесятник) имел изрядный вес среди сослуживцев. Подчиненные не просто старались, но буквально из кожи лезли, выполняя приказы. Да и сам поручик, лишившись оснований для угроз и мордобития, перестал к ним прибегать. Порой хватало объяснения или показа, чтобы упражнение было выполнено. Он чаще стал подсаживаться к костру со своими солдатами, разговаривать с ними, рассказывать на смеси русского и немецкого языков случаи из боевого прошлого или о далеких странах, где ему довелось побывать. И хотя солдаты понимали не все, слушали внимательно. Как казалось Бейтону, им нравилось, что офицер и дворянин не брезгует их компанией, угощается из их котелка.

Большинство подчиненных до армии не покидали своих деревень. Потому воспринимали его рассказы, открыв рот. По случаю возвращения покалеченного парня из лазарета он, чтобы закрепить доброе отношение подчиненных, по русскому обычаю даже выкатил своим людям дармовое пойло. Солдаты охотно приняли выпивку. Кричали на русском языке всякие хорошие слова о своем поручике. Хотя каких-либо неуставных действий, способных вызвать недовольство начальства, Бейтон не допустил, солдаты были явно довольны. Это было правильно.

Поскольку осада шла неторопливо (точнее, никак не шла), Бейтон продолжал учить своих людей. От упражнений в стрельбе и сложных перестроений он перешел к обучению отражения конных атак, действиям в обороне, штурме. Другие офицеры, больше времени проводившие в местной питейной палатке или у гостеприимных дам, крутили пальцем у виска. Впрочем, полковник и его помощник были им довольны, а сам Бейтон не лез к начальству, не чинился, охотно сживал с сослуживцами за бокалом вина, рассказывая байки или выслушивая чужие откровения. Отношения с командирами были нормальные. Оба начальствующих лица прошли весь путь от прапорщика до полковника, не однажды участвовали в баталиях.

Более того, скоро старания и успехи Бейтона – чего скрывать – были замечены и отмечены. Начальство в лице полковника стало выделять Бейтона и его роту. Хотя внешне это проявлялось не особенно явно, да и дистанция между поручиком (хоть и ротным командиром) и полковником была изрядная, но расположение Бейтон чувствовал. С подполковником же отношения были и просто хорошими. Во всяком случае, тот часто и подолгу беседовал с Бейтоном в часы досуга. Собственно, это и было одной из целей молодого поручика. Хотелось быть не просто одним из ротных командиров солдатского полка, но лучшим командиром лучшей роты. Впрочем, проверить, что у него вышло, можно будет только в реальном бою.

Но боя не было. Несколько раз нерешительно штурмовали, даже, скорее, обозначали штурм стен Смоленска. Но стоило противнику начать ответную стрельбу, как царь приказывал трубить отбой. Поначалу это очень удивляло офицера – имея десятикратное преимущество и в живой силе, и в пушках, стоять на месте. Не случайно русские называли своего монарха – очень тихо и только среди своих – «тишайшим», а порой «зайчатником». Иностранцев, которые, как предполагалось, «по-людски говорить не умеют», не стеснялись. Как-то Бейтон поделился своим недоумением с фон Штаденем. Подполковник отхлебнул рейнского вина (дело происходило за столом, где командир полка часто собирал всех своих офицеров) и произнес:

– Молодой человек, вы говорите глупость. Царь, его советник, генерал Лесли, и самые умные русские все делают правильно. Сюда идет польская армия графа Радзивилла. Она хорошо подготовлена, но малочисленна. У Радзивилла весь расчет на то, что, как тридцать лет назад, царь положит треть, а то и половину армии на штурме смоленских стен. Тогда свежие польские силы ударят по усталым и смешавшимся москвитам и повергнут их в ничтожество. Так тогда и было. Сейчас все будет иначе. Смоленск в осаде, потому Радзивилл никуда не уйдет, а будет двигаться к нам. Но встретят его не потрепанные полки, а свежие и отдохнувшие части. Конечно, этим «боярам», которые только саблями махать умеют, хочется, как здесь говорят, «честь добыть». Однако в этот раз царь у них на поводу не пойдет.

Альфред, чувствуя себя полным дураком, кивнул. Он-то как раз и хотел, как говорили русские, «честь добыть».

Да, Януш Радзивилл – это серьезно. Он слышал о нем прежде. Опытный, честолюбивый. Один из наиболее влиятельных вельмож в королевстве. Помог королю Яну Казимиру занять польский престол после смерти старого короля Владислава. У него много отличных наемных частей из Швеции и Венгрии, польская кавалерия. Их лошади лучше невысоких лошадок русских рейтаров. Правда, русские часто превосходили в вооружении. Но умения им пользоваться пока не хватало. Эти парни опасны в сражении. Поляки были бы страшными противниками, если бы не то, что король в стране и не правитель вовсе.

Рядом с ним сидят десятки сильных фамилий, одна из которых и есть Радзивиллы. У каждого из них – своя армия, своя политика и свои цели. Налоги до короля почти не доходят. Потому и на армию денег не набирается. Вот и Радзивилл, Великий гетман Литовский, идет на русских со своим личным войском. Собственно, Бейтон это давно знал, как и все в лагере под Смоленском. Но вот увязать бездействие в осаде и сикурс Радзивилла Бейтон не смог. А стоило.

Скоро будет бой. Это хорошо. Учеба учебой, но получать деньги наемник привык за баталию, а не за работу служки в церковной школе. Хотя... в русской армии пока ему нравилось. Если не лезть из кожи, чтобы пробиться вверх, то ты – сам себе господин. Есть свободное время. Почти как в те легендарные эпохи, когда войну делали наемные роты под командованием лихих капитанов-кондотьеров. Он сам начинал себя чувствовать таким кондотьером, оттачивающим искусство своих людей. Скоро, очень скоро начнется настоящее дело.

\*\*\*

Приказа о выступлении ждали, но поступил он, как всегда, неожиданно. Радзивилл уже несколько дней скапливал силы на правом берегу Днепра у города Орши. Туда должны были стекаться войска из Польши. Против него и был направлен корпус русского генерала и ближнего боярина (царского советника) Алексея Никитича Трубецкого. Но поскольку силы противников были почти равны, царь, не любивший военные неожиданности, решил направить в помощь Трубецкому войско из Смоленского лагеря. В основном шла конница. Но в состав отряда был включен и солдатский полк. Командовал отрядом опытный воевода, боярин из крещеных татар Яков Черкасский. Обычно русская пехота передвигалась на конях или на телегах, спешиваясь перед боем. Но коней не хватало. Передвижение же на телегах было часто еще медленнее, чем пешие переходы. Потому солдатский полк шел пешим строем. Почти бегом.

Хотя Бейтон, как офицер, мог передвигаться на коне, но предпочел шагать вместе со своей ротой. Летний марш – удовольствие небольшое. Пыль вьется столбом, пот течет так, что порой глаза открыть невозможно от соленого потока со лба, а одежду хочется выжать. Зато он точно знал, как чувствуют себя его люди. Правда, привычки у него к таким маршам было больше. Хоть доводилось служить и в пехоте, и в кавалерии, пешком он за свою жизнь находился изрядно.

Довольно быстро стало понятно, что пехота безнадежно отстает от конных отрядов. На ближайшем привале воевода Черкасский собрал всех офицеров на совет. Говорили, конечно, на русском языке, и большая часть сослуживцев Альфреда просто не понимали, о чем идет речь. Они внимательно следили за командующим, надеясь больше на своего полковника, который, как и сам Альфред, изъяснялся на многих языках, а русский знал в совершенстве. Бейтон внимательно слушал. И было что...

Януш Радзивилл со своим десяти тысячным корпусом решил отходить вглубь территории, дожидаясь подхода новых сил. Командовавший всем предприятием князь Трубецкой приказал их отрядам начать преследование. Но они не успевают. Враг уходит, чтобы вернуться более сильным. После долгих споров и криков было решено выделить конный отряд в отдельную часть, или, как здесь говорили, в «отдельный приказ», и идти в погоню за поляками, заставляя их принять сражение – это даст главным силам армии время подойти. Пехота будет двигаться за всадниками ускоренным маршем.

Утро и почти весь день прошли в одном сплошном беге. Всадники умчались далеко, но фон Букховен постоянно подгонял своих пехотинцев. От засохшего пота одежда покрылась жесткой коркой. Лицо невыносимо саднило. Но поручик старался всем видом показать, что, как говорят по-русски, «горе не беда». Его солдаты пытались быть под стать своему командиру, но было видно, что они уже устали до последней степени. Серые, покрытые пылью лица с дорожками пота. Невидящие глаза. Альфред знал цену этому взгляду. Но и цену их попыткам

улыбнуться на шутки поручика он тоже знал. В остальных ротах отчетливо слышалось ворчание солдат и крики командиров, едущих на конях рядом со своим строем.

Когда вымотанные вконец пехотинцы подбегали к речке Шкловке близ одноименного городка, бой шел уже давно, причем крайне неудачно для русских. Поляки укрепились на высоком берегу речки и били русскую конницу, вынужденную вступать в сражение сразу после перехода вброд. Боярин Черкасский бросал в бой новые отряды, но польские мушкетеры выбивали их на переправе из лошин, выходящих к реке, а гусары и татарские хоругви наносили удары с высокого холма. Бейтон ошарашенно смотрел, как новые и новые сотни русских всадников бросаются вперед, оскальзываясь на прибрежной глине, как начинают отходить под ударами «крылатых» копейщиков, как, подобно снегу в весенний день, тает конница русских.

\*\*\*

Герман фон Штаден сидел на лошади и вместе с остальными командирами русского корпуса в бессильной ярости смотрел, как польские гусары начинают избиение русской кавалерии. Бросать в эту мясорубку новые сотни рейтаров было безумием. Тем не менее, русский воевода Яков Черкасский (кстати, вполне разумный воин) продолжал посылать на смерть новых и новых всадников. Ведь приказ был недвусмысленный – связать поляков боем и задерживать как можно дольше. Но вот выполнить его было совсем не просто.

Поляки вот-вот довершат разгром. Тут нужен слаженный огонь пехоты. Только пехота – на этом берегу, а сражение идет на том. Вот они, его солдаты. Две роты подошли, уже и отдышаться успели. Только вот не успеют они переправиться. Тут нужна другая выучка, эх, другая... Ему бы роту испанцев или хотя бы шведов. Тогда шанс был бы. А так – только людей положишь.

Фон Штаден был старым и опытным лисом. За годы службы ему доводилось выбирать из самых разных переделок не только на поле боя, но и в особо опасное мирное время, когда донос на иноземца мог стать хорошим ходом для карьеры очередного боярского отпрыска. Он умел видеть жизнь без лирики. Вот и сейчас он прекрасно понимал, что поляки выигрывают баталию. Впрочем, гибель их отряда будет не совсем напрасной: подошедшие русские войска отплатят за них разгромом, и немало гордых шляхтичей обогрит своей кровью берег речки. Однако видеть, как стройные ряды всадников превращаются в кровавое месиво, было больно. Хотя война есть война. И все же...

Вот с холма на русскую конницу обрушились новые польские хоругви. На высоких и статных конях, плотным строем, с крыльями за спиной и грозными пиками наперевес на ряды русских всадников неслись по пологому холму явно отборные рыцари в сверкающих шлемах и кирасах, намереваясь врубиться в тело строя, смять его. На вершине холма показались новые ряды.

Берег густо обогрил русской кровью. Началась паника. Лошади металась по узкой полоске, налетая на всадников, мешая отступить. Фон Штаден четко представил то, что сейчас случится. Еще натиск – и конница поляжет. Паника лишает людей силы. Подполковник прикрыл глаза. Вдруг рядом послышался голос поручика Бейтона – дельного, хотя и чрезмерно честолюбивого по молодости лет офицера его полка.

– Господин подполковник, позвольте мне с моей ротой прикрыть отход! – почти крикнул Бейтон.

А что? У этого молодца может и выйти – свою роту он гонял не в пример остальным. Честолюбие бывает и полезным. В конце концов, хотя бы прикроют собой отход и свяжут поляков еще на полчаса. А там, смотришь, до подхода основных сил те и не уйдут далеко. Подполковник обернулся на Якова Черкасского. Тот понял и кивнул.

– Выполняйте, поручик, и помощи вам Бог!

\*\*\*



Рота почти бегом перебралась на другой берег по неглубокому броду и с ходу, выстроившись в ряд, дала залп по наступающим гусарам, устремившимся потоком к новой цели. Строй всадников заколебался.

– Второй полутонг, пли! Первый перезаряжай! – скомандовал Альфред.

Новый залп. Всадники начали сбавлять скорость, врезаясь в уже павших воинов и лошадей. В строю появились ощутимые прорехи. Эх, был бы третий залп, эти «крылатые» зазнайки полетели бы на своих перышках во все стороны. Но залп не успевал.

– Выставить пики, мушкеты вглубь строя! – командовал он.

Всадники уже близко. Альфред сжал пикку так, что костяшки пальцев побелели. Не первый раз, а все равно страшно. Всем страшно. Но в этот миг грянул залп. Подошли остальные роты пехотного полка. Конница отступила. Отошла вслед за ней и пехота.

Восстановилась картина, которая была перед началом сражения. Поляки могли праздновать победу. Но русские помнили свою задачу: задержать отступление, дать время Трубецкому подойти ближе. Значит, все сделано правильно. Альфред достал трубку и чудом оставшийся сухим после двойной переправы кисет, дрожащими пальцами принялся набивать ее табаком. Из его роты погибли пять солдат. Еще полегло несколько сотен всадников. Что ж, могло быть хуже.

\*\*\*

– Вот так вот мои орлы и спасли бой, – проговорил старый полковник.

– Так отступили же? – спросил молодой казак.

– Так ведь и нужда была не разбить, а задержать. Чтобы не утек лях. Чтобы его разбить, силенок у нас было маловато. А так вышло, что и отряд сохранили, и ляху уйти не дали, – спокойно разъяснил Бейтон.

– Да... – задумчиво протянул старший. – Лихое дело. Ну а дальше-то как?

– Дальше – известно как: ляхи на том берегу закрепились, а мы – на этом. Так и стояли. После боя отходили. Я к своим орлам пошел.

Полковник уставился на костер. Вспомнил даже не радость, а гордость, восторг, расправившие его грудь после боя. Он смог. Смог выковать из этих мужиков настоящее оружие. Они не дрогнули под конной атакой, выдержали, отбили. Казаки тоже молчали.

– Ну, слушайте далее, – проговорил старик.

\*\*\*

Бейтон подошел к своим солдатам, свалившимся кто где смог, отходящим от марша и боя. Некоторые стали подниматься.

– Не вставать. Вы герои, которые сегодня спасти армию! Я вами гордиться! – громко крикнул он. Он и вправду гордился своими солдатами. Сегодня они вели себя не хуже ветеранов старого Валленштейна, легендарного полководца империи. Да и собой гордился. Он смог их научить.

– Поручик Бейтон? – спросил подъехавший воин в дорогой шапке.

– Я есть он.

– Вас кличут князь Барятинский и воевода Яков.

– Сейчас ехать, – ответил Бейтон, уже вскакивая на коня.

Он поскакал вслед за гонцом к группе офицеров в центре полевого стана, который стал образовываться располагавшимися на отдых частями.

Остановившись перед командующим, Бейтон поклонился и доложил на русском языке:

– Поручик солдатский полк Альфред фон Бейтон прибыть!

– Молодец поручик! Уже и язык выучил, – усмехнулся боярин-воевода. – Хорошо послужил. И войско сберегли, и полякам уйти не дали. Теперь уже не уйдут. За храбрость и воинское разумение жалую тебя тремя рублями. Сам о тебе государю доложу.

– Я благодарить за честь! Это мой долг!

– Ну, иди, поручик, к своим орлам. Завтра подойдут войска князя Алексея, и начнем погоню за Радзивиллом. Пока отдыхай.

Бейтон вновь поклонился и, отъехав, направился в свое расположение. Приятно было? Конечно, приятно. И деньги не лишние. Да чего скрывать – оценка командира всегда важна. Кажется, он останется в этой странной стране. Привыкнет. Должен привыкнуть.

\*\*\*

– Так и погнали мы того Радзивилла до самой его Литвы, – закончил рассказ Бейтон.

Казаки внимательно слушали, ловя каждое слово. Большинство из них всю жизнь прожили в Сибири, и жизнь эта проходила в бесконечных стычках с местными (далеко не мирными) народами, в походах, погонях. Другого они просто не знали, да, наверное, и не хотели знать. Казак – не должность и не сословие. Казак в Сибири – это судьба. Потому и рассказы старого полковника слушали, затаив дыхание. Или вид делали из уважения к славному голове – кто их разберет. Но слушали, не перебивая.

– Славная битва, – промолвил старший. – Силен был покойный царь-батюшка.

– Да и мы были молодцы что надо, – в тон ему ответил Бейтон.

Костер догорал. Казаки стали располагаться на ночлег. В палатку идти не хотелось. Старик послал за шубой и улегся на ближайшую телегу. Полог звездного неба раскрылся над ним, отражаясь в водной глади, окаймленной вековыми кедрами, сбегавшими с сопки к озеру. Но перед глазами вновь возникли картины далекой уже молодости.

\*\*\*

Через два дня после баталии при Шкловке русская армия князя Трубецкого в сражении при селе Шепелевичи настигла и разгромила отряд Януша Радзивилла. Сам Великий гетман едва ушел от погони. А через месяц сдался Смоленск. Поднепровье полностью отошло под руку России. Очищены от поляков Волынь и Галич.

После царского пира (на который Бейтона, конечно, и не подумали позвать – не того полета птица) Алексей Михайлович с ближними боярами отбыл в Вязьму на зимовку – в Москве было моровое поветрие. Кампания постепенно затухала. Шла осень. Дороги делались все более непроходимыми. Армии располагались на зимние квартиры. Полк фон Букховена был расквартирован в Шклове. Солдаты строили землянки и избы для офицеров. Обживались.

Но война не кончалась. Враг снова собирал силы. Правда, это еще когда будет: зимой-то нормальные люди не воюют. В землянках и избах жарко топились печи, солдаты отходили от сражений и учений, кряхтели, вспоминая свои деревни и односельчан, жалея о несбывшейся мирной жизни. Офицеры тоже вспоминали дом (те, у кого он был), завязывали короткие интриги с сельскими красотками, пили кислое местное вино.

В эти дни, наполненные особым покоем, возможным только в короткий перерыв между сражениями, армия Януша Радзивилла форсировала реку Березину, ставшую временной границей между противниками, и двинулась на Могилев. Начиналась кампания 7163 года от Сотворения мира, или 1655 года от Рождества Христова.

## Глава третья. Могилев

Шклов – городок небольшой, но вполне уютный. Расположился он среди широких полей и пологих холмов с перелесками, верстах в сорока от Могилева. В центре города – небольшая площадь, на ней – ратуша и дом градоначальника. Прежде была греческая церковь, но после смерти короля Владислава, отличавшегося умеренностью и осторожностью, на греческую веру начались гонения. Церковь разрушили. Собственно, эти гонения и стали причиной того, что маленькие люди и бедные шляхтичи из местных охотно переходили под руку Московского царя.

Если центр Шклова еще чем-то напоминал город, то окраины, начинавшиеся сразу за площадью, были вполне сельскими, отгороженными от мира не стеной, но деревянным частоколом с деревянными же башнями. Впрочем, дома добротные, для тепла и чистоты обмазаны глиной, крыты глиняной же черепицей, а не соломой. Да и жители богаты. Есть две корчмы, которые в этих местах обычно содержат евреи, несколько лавок с самыми разными товарами, большой рынок.

Здесь и располагался на зимовке полк ван Букховена. Военных оказалось больше, чем всех жителей городка. Потому в домах разместились только офицеры, да и то не все. Для солдат вырыли землянки, как могли их утеплили. Для офицеров, предпочитавших находиться поближе к солдатам, поставили срубы-пятистенки. Посередине расчистили площадку для солдатского учения, которым, впрочем, докучали не особенно сильно. Морозы стояли такие, что даже от мысли выйти на улицу делалось холодно.

Для Бейтона отдых на зимних квартирах в Шклове был заполнен не менее плотно, чем первые дни под Смоленском. Солдат не должен иметь слишком много свободного времени: в этом случае он начинает грустить, а в его голову начинают приходить совсем неправильные, расслабляющие тело и душу мысли. Это поручик знал по себе.

Первое время он с блаженством предавался безделью. Часами по утрам лежал в постели. Долго засиживался с однополчанами за беседой и бокалом вина. Сослуживцы коротали время за разговорами и азартными играми. Игры поручик не любил – азарта хватало в жизни. А беседы находил полезными. Офицеры вспоминали баталии, в которых принимали участие, ушедших командиров. И хотя многие из них сражались друг против друга, сегодня это не вызвало интереса. Жизнь наемника непостоянна, как и его привязанности. Они сохраняются, пока есть деньги в полковой кассе. Однако свой хлеб в этой среде было принято отрабатывать честно. Подписал контракт – выполни. Это – вопрос чести.

Но намного чаще офицеры вспоминали покинутую родину – в минуты покоя, в тепло натопленной комнате. Каждый надеялся когда-нибудь – конечно, не скоро – вернуться домой: в Тюрингию, в Саксонию, в Пруссию, в Голландию... Вспоминали родительский дом, у кого он был; места, где довелось побывать, где хотелось бы осесть в старости. Перед глазами вставали уютные городки у Мозеля или Рейна, торговые улицы Гамбурга и Любека, порты Италии с теплым морем и веселой жизнью. Где она, эта жизнь? Сколько из них доживет до мечты наемника – обеспеченной старости? Об этом говорили сослуживцы, об этом думал Бейтон.

Только очень скоро бесконечные воспоминания о покинутой родине стали угнетать его. Все чаще он стал задумываться: а прав ли он был, решив поехать в далекую восточную страну? Может, разумнее было бы поискать себе применение дома? Мог же он, скажем, наняться охранять путешественников или купцов. Мало ли дел может найти молодой еще и сильный дворянин? А здесь? Вот его солдаты спасли бой. И что? Наградили деньгами и забыли. Может, и дальше так будет.

Несколько спасали беседы с милейшим поручиком Отто фон Менкеном. Его спокойный оптимизм, граничащий с фатализмом, контрастировал с рассуждениями других офице-

ров. Война неизбежно даст рост чинам – просто по причине сокращения числа офицеров. Если же сократят его – тоже невелика беда: ни старшие братья, ни сестра о нем рыдать не будут.

Говорил он и о Сибири. О невероятном богатстве этой земли. О людях, которые, как рассказывают, гораздо ближе к природе и Богу, чем в иных странах. О странной, странствующей жизни, которую они ведут в отличие от обычной оседлой жизни русских крестьян. О возможностях, которые раскрывает Сибирь перед знающим человеком. По его словам выходило, что такого назначения не бояться надо, а желать. Хотя Бейтон и понимал, что для Отто возможен только один вариант возвращения домой – овеванным славой и богатством. Иначе – только смерть или – того хуже – постыдное прозябание. Грустные мысли крутились в голове Бейтона. О себе, о друге, о правильности своего выбора.

Все это угнетало, и поручик с новой яростью взялся учить свою роту, что не доставляло солдатам особой радости. Чтобы как-то компенсировать это, поручик из наградных денег закупил у местных жителей дополнительных продуктов к солдатскому котлу, дров для печек. Уставших и замерзших от занятий на морозном воздухе солдат Бейтона ждал сытный обед с обязательным мясом, на худой конец – солониной, теплые землянки. Солдатам Бейтона начинали завидовать в других ротах. Сам поручик, боясь вновь оказаться в плену неприятных и очень мешающих жить мыслей, все чаще проводил вечера со своими подчиненными.

Солдаты осмелели. И хотя всякое панибратство Бейтон мгновенно пресекал, они начали рассказывать о себе, о своих мечтах и планах. Чаще всего звучало слово «воля». О воле рассказывали вечерами у печки, о воле мечтали. Поручик про себя перевел его, как «Freiheit». Но смысл фраз оказался непонятным. Дословное «Wille» тоже как-то не вписывалось. Слишком книжно и заумно выходило. Он попросил разъяснить знакомого капитана из «старых немцев», уже много лет служившего у русских.

– Воля? Это у русской черни любимое словечко... Грабеж, хаос, безвластие. Только об этом они и мечтают, – буркнул знакомец. – Потому им и понадобились европейские офицеры, чтобы держать чернь в кулаке.

Этот ответ тоже не удовлетворил Альфреда. Что-то здесь тоже было... и так, и не так. О хаосе так не говорят, о нем не мечтают. Да и какая же эти крестьяне «чернь»? Поручик помнил голодные толпы в осажденных городах империи, шайки бродяг на дорогах. Вот это – чернь. А это обычные люди. Работали, жили, а потом выпала им судьба стать солдатами. Хотя в чем-то Франц и прав: власть русские не любят. Очередным вечером, присев возле печурки с кружком солдат в их землянке, он решил спросить их самих.

– Воля, барин... – мечтательно протянул солдат. – Тут и не сказать сразу. Я так думаю: это когда едешь ночью по степи на своей лошадке летом; тепло, трава кругом сочная, такая, хоть сам ее жуи. Звезды сверху, что твои колеса. Тишина. А воздух... Сладкий, как мед в сотах. И дышишь им, дышишь, а надышаться не можешь. Едешь ты по этой благодати, вдыхаешь ее, а знаешь, что где-то далеко-далеко ждет тебя хозяйка, дом родной, детишки. Вот это, барин, и есть воля.

Солдаты замолчали. Молчал и поручик. Думал об этой странной «воле», которая суть целый народ. Не богатство, не слава, не удобство жизни, а «воля». Странно и притягательно. Стоит на досуге об этом поразмышлять.

\*\*\*

Но досуга не случилось. Утром их разбудил барабанный бой, выбивающий сигнал к общему построению. Соскочив с кровати, еще не сообразив, где он и кто, поручик быстро натянул одежду, схватил шпагу и кинулся на выход. На площади, перед домом, который занимал полковник (бывший дом управляющего), уже выстраивались солдаты. На крыльце стоял ван Букховен, неторопливо постукивая тростью по полу. Поручик занял свое место в строю и стал ждать.

Наконец полковник сошел с крыльца. Встал перед строем и прокричал:

– Солдаты, польская армия перешла Березину, разбила заставы и движется к крепости Могилев. Нам приказано сегодня же выдвигаться к крепости и оборонять ее. Через три часа выступаем. Есть вопросы? Нет. Офицеры – собраться у меня через половину часа. Разойтись.

В доме, который занимал командир, положение было описано более подробно. Старый знакомый, граф Радзивилл, вместе с гетманом Гонсевским собрали армию до тридцати тысяч человек, сбили все заставы и острожки по левому берегу Березины, осадили крепость Новый Быхов и сейчас быстрым маршем идут на Могилев. Город укрепляется уже несколько месяцев. Сейчас в нем до тысячи человек стрельцов и четыре тысячи казаков из местных. Но местные ненадежны. Потому их полку приказано быстрым маршем идти на Могилев, чтобы проникнуть в город раньше, чем поляки его окружают. Если же Бог не даст удачи, то прорываться в город с боем. Туда же, к Могилеву, идут солдатский полк Ивана Цыклера, войско воеводы Ромодановского, но они, скорее всего, не успеют.

Не прошло и трех часов, как колонна полка выступила из Шклова. Было это 31 января 17163 года. В тот же час из-под Быхова начали марш на Могилев отряды гетмана Радзивилла. Отсчет времени пошел на часы.

К городу подошли почти одновременно, 2 февраля. Когда роты пехотинцев стали втягиваться в восточное предместье города, с западной стороны начали подходить отряды Радзивилла. Неожиданно для поляков ворота открылись и на не вполне оправившихся от похода воинов Великого гетмана Литовского бросились осажденные, которым полагалось сидеть за стенами и дрожать от страха. Стрельцы приказов Лопухина и Аничкова, казаки, ополченцы из горожан, вооруженные кто чем, бросились на гордые хоругви. Тем временем подошедшие пехотинцы добавили жару залповым огнем. Поляки, не ожидавшие вылазки, отступили. Ополченцы и гарнизон крепости, захватив обоз с припасами, столь же стремительно скрылись за стенами. Конечно, это была не победа – поляки потеряли менее полусотни воинов из многотысячной армии. Но если из города выходили порознь – стрельцы, солдаты, ополченцы, то возвращались уже единой армией, спаянной общей удачей, окрыленной пусть маленькой, но победой.

У костров под стенами смешались солдатские и стрелецкие кафтаны, казачьи зипуны. Люди смеялись, хлопали друг друга по плечам. Все это видел Бейтон, проезжая по городу вместе с другими офицерами, полковниками и командующим гарнизоном воеводой Иваном Алфеевым. Среди командиров чем-то не понравился Бейтону полковник могилевского полка шляхтич Константин Поклонский. Наткнувшись на его тонкое и холеное лицо с холодными и неподвижными глазами, резко выделяющимися на фоне живой мимики, он то и дело возвращался к нему взглядом. Как-то в его действиях все было слишком. Слишком яростно ругал ляхов, слишком радовался победе. Впрочем, наверное, это у поручика от усталости. Лезет в голову всякая чушь. Человек как человек. Но подозрение не отпускало. В чем? Так и не скажешь.

Поручика определили на постой в небольшом домике в предместье под названием Лупулово, где была расквартирована и его рота. Убедившись, что солдаты размещены и накормлены, он отправился к себе. Оставшись, наконец, один, Бейтон скинул амуницию и завалился на кровать, отказавшись даже отужинать с хозяевами. Но заснуть не вышло: гудели ноги, в голове крутились мысли. Поняв, что не заснет, поручик, накинув кафтан и охабень, сунув за пазуху трубку и кисет, вышел на улицу.

Было тихо. Только вдалеке перекликались стражники. Альфред раскурил трубку и попытался успокоить кутерьму мыслей. Осада будет трудной. Тридцать тысяч поляков против шести тысяч осажденных. Да и какие шесть тысяч? Могилевский полк только числом грозен, а умения у него меньше, чем у последнего солдата в их полку. Да и оружие там старое. Предместья удержать будет непросто. Хоть вал явно подновляли, частокол выставили, ров углубили,

а защита слабая. Слишком много врагов. Стены крепкие, но невысокие, а возле реки и совсем низкие. С окрестных холмов весь город простреливается. Да и припасов немного. Войска-то сколько; да и так людей за стенами спряталось немало. Ох, достанется нам. Одна надежда на армию Ромодановского, которая сейчас движется с боями от Шклова. Да казаки могут успеть с юга. Могут успеть. А могут и опоздать. Как карта ляжет, как говорят любители коротать вечера за игральным столом...

Внезапно невдалеке под чьими-то сапогами закрипел снег. Бейтон неожиданно для себя самого отшатнулся в тень. Мимо не прошел, а проскользнул человек. Лица в темноте не разобрать, но походка и фигура показались знакомыми. Запахнув полушубок, поручик последовал за странным ночным прохожим. Тот часто оглядывался. Бейтон каждый раз прижимался к стенам домов. Прохожий свернул в переулок. Поручик примостился за углом. В переулке прохожего ждали. Разговор шел на польском языке, хорошо знакомом поручику.

– Великий гетман ждет от Вас, пан полковник, решительных действий, – негромко говорил один из собеседников.

– Пан гетман может на меня рассчитывать, – шепотом отвечал другой.

– Послезавтра утром мы начнем штурм города. Вы должны открыть ворота Лупулово и ворота из предместья в город, как только будет дан сигнал фонарем из лагеря.

– Я сделаю это. Но и Вы не забудьте: я буду владеть этим городом.

– Не волнуйтесь. Слово Радзивилла в этом мире еще что-то значит. Запомните – послезавтра утром, во время последней стражи. А теперь уходите.

Поручик вжался в стену, как мог, и затаил дыхание. Мимо проскользнули две тени. Одна направилась к ограде, другая в сторону города. Вот оно как. Измена. Не случайно этот тип мне так не понравился. Что же теперь делать? Убить? Его же и повесят, как изменника. Бежать к фон Штадену или полковнику? Пожалуй, к фон Штадену. Он знает и Бейтона, и русских. Он найдет, как выйти из положения.

Поручик почти бегом направился к дому подполковника и практически ворвался к нему в спальню. Его сбивчивый, прерываемый эмоциональными вскриками рассказ, тем не менее, произвел впечатление на фон Штадена. Ворча о нарушении субординации и всех мыслимых приличий некоторыми молодыми людьми, он собрался и вместе с Бейтоном отправился в цитадель, где располагался воевода. К воеводе их не пускали долго. Стрельцы упорно твердили, что боярин Иван Васильевич почивает. Но настойчивость фон Штадена была поистине беспредельной. После почти часа препирательств их, наконец, пропустили в дом. А еще через полчаса они предстали перед светлым ликом боярина-воеводы, одетого в горничную рубаху и домашний кафтан. Боярин был хмур и крайне недоволен неурочным визитом. Но, узнав причину, всполошился не на шутку.

– Ты, братец, точно уверен, что все правильно понял? – несколько раз задавал он вопрос Бейтону.

– Так точно!

– Да я ж его, шельмеца, в бараний рог согну! Повешу на воротах!

Тут заговорил фон Штаден.

– Батюшка Иван Васильевич, повесить его было бы справедливо. Но ведь ляхи тогда другого иуду найдут.

– Что же ты, подполковник предлагаешь? Златом его наградить? Шубой на собольем меху?

– Зачем награждать, боярин-воевода? Награждать его нельзя, а вот использовать можно. Ляхи в атаку пойдут, считая, что их ждут с хлебом и солью, а мы их встретим залпом роты вот этого молодчика, – полковник указал на Бейтона. – Вот прыти у них и поубавится.

– А изменники что, стоять и смотреть будут?

– А зачем им стоять? Вы, батюшка, их в цитадель отправьте. Да не всех, а тех, которых Поклонский сам назовет. Вот мы и узнаем, кто предатель, а кто присяге перед государем верен. Тех же, кто останется, мои молодцы на пики и поднимут.

Воевода задумался. Потом рассмеялся и хлопнул фон Штадена по плечу:

– А лихо ты, немец, придумал! Головастый ты, однако. На том и порешим. И чтобы тихо у меня. До поры шума не поднимайте, – добавил он уже другим тоном.

Обратно ехали не торопясь. Сумрак зимней ночи уже готов был вот-вот смениться утренними сумерками. Отоспаться им уже не выйдет.

– Вы молодец, поручик, – начал разговор фон Штаден. – Хорошо подметили господина изменника. Предместье мы, конечно, не удержим, но теперь у нас появляется шанс на успех.

– Почему не удержим? Заговор же раскрыт! – удивился Бейтон. В тот момент он чувствовал себя необычайно сильным, способным – если не в одиночку, то уж со своей ротой точно – разгромить врага. Ответ полковника вернул его к реальности.

– Молодой человек, не стройте из себя невинную девицу. Нас меньше трех тысяч подготовленных войск, да три тысячи ополченцев, а у поляков даже без пехоты (которая, кстати, днями подойдет) тысяч пятнадцать. Вопрос в том, сколько людей они потеряют, штурмуя Могилев. Помните, что я Вам рассказывал про прошлую осаду Смоленска? Так вот. Сейчас Могилев – это Смоленск, а Радзивилл играет в этом театре роль покойного государя Михаила Федоровича. Он будет штурмовать, а потому проиграет. Но в этой игре есть и наши частные интересы. Например, я был бы совсем не против остаться живым. У меня еще есть дела на этом свете, и не только в Московии.

– Честно говоря, господин полковник, я тоже хотел бы еще посмотреть на этот мир.

– Вот об этом и стоит поговорить завтра. Похоже, мы уже приехали. Отдохните, если сможете. Завтра будет трудный день, а про послезавтра и говорить нечего.

Они распрощались почти друзьями. Бейтон к собственному удивлению заснул и проспал мертвым сном остаток ночи. Видимо, молодость брала свое. А утром начались перемещения.

Часть могилевского полка перебросили на стены Высокого города, «разбавив» стрельцами Лопухина. Отбирал людей, оставшихся в посаде, сам полковник Поклонский. Потому особых сомнений в том, кому верны оставшиеся с ним, не возникало. Явно не царю Алексею Михайловичу. На их место вводились роты солдат. Впрочем, вводились тихо, без барабанного боя. В Лупулово осталось несколько сотен ополченцев и чуть больше бойцов ван Букховена. Ранним вечером офицеры полка собрались у полковника. План был прост.

Перед утром, в последнюю стражу, солдаты выдвигаются и быстро уничтожают предателей. Как только будет сигнал из польского лагеря, они открывают ворота и ждут подхода. Но перед поляками ворота захлопнутся, с башен ударят две пушки и со стен – один ружейный залп всеми ротами. После этого отряд втягивается в улицы и медленно, с боем, отходит к мосту через Днепр. Задача ставилась – уничтожить как можно больше противника, при этом сохранив своих людей.

Еще в темноте роты выдвинулись к стенам. Началось избиение изменников. В тишине солдаты вырезали еще полусонный отряд Поклонского. Сам полковник смог ускользнуть среди домов. На его поиски отрядили несколько человек. Солдаты же скрытно встали у стен, заряжая оружие. Напротив ворот установили пушку. Рота Бейтона тоже выстроилась на этом участке, готовая по приказу дать залп.

Потянулись минуты. Самые трудные минуты перед боем. Бейтон прохаживался вдоль строя своих солдат, стараясь напускной серьезностью разогнать естественный страх людей перед боем. Здесь остановится проверить мушкет. С этим перекинется фразой, там укажет, что делать, если кавалерия прорвется в ворота. Наконец возле ворот засуетились. Наверное, из лагеря противника был подан сигнал. Ворота отворились. Тотчас же со стороны польского лагеря донесся шум выдвигающихся хоругвей. Шум нарастал, всадники приближались. Каза-

лось, что еще минута – и гусары влетят в распахнутые ворота посада. Но через миг раздались спокойные и уверенные приказы полковника:

– Закрывать ворота! Пушки, пехота. Готовься! Наводи! Пли!

Залп потряс деревянные стены. Дым окутал все пространство перед Бейтоном и его бойцами. За стеной раздались крики, проклятья, отчаянное ржание лошадей.

– Солдатам отойти от стен! – продолжал командовать полковник.

Капитаны и поручики отвели своих людей и выстроились за людьми Бейтона. Через несколько минут противник пришел в себя от неожиданного поворота дел. Польские гусары пытались перебраться через частокол. Солдаты стреляли по ним. Удача улыбнулась немногим атакующим, живыми перевалившим стену. Но здесь их брали в сабли. Раздались удары в ворота. Бейтон напрягся:

– Солдаты, готовься!

Засуетились и пушкари. Хлипкие ворота зашатались. Наконец одна из створок рухнула, и в проем влетели всадники. Пушка выстрелила. Несколько человек упало, кони взвились на дыбы. Новые отряды налетали на упавших и мечущихся по площадке перед воротами лошадей и всадников.

– Первый полутонг, пли! – скомандовал Бейтон.

Грянул залп. Еще десяток всадников упал на землю.

– Второй полутонг, пли!

Еще один залп. Еще несколько всадников рухнули вниз. Враги начали отступать. Рота Бейтона отошла за ряды своих однополчан. В проходы между домами откатали пушки.

Наконец ворота рухнули полностью. Гусары, смешавшиеся с венгерской конницей и пехотой, понеслись на ненавистных пехотинцев, до которых уже рукой подать. Новый залп совсем рядом. Перестроение и следующий залп. Ряды отошли вглубь, а рота Бейтона вновь оказалась впереди. Залп, еще один залп. Из переулка донесся выстрел пушки. Противник подался назад. Пехотинцы получили возможность перезарядить мушкеты. Но новые хоругви вламывались в посад, летели на разгоряченных конях элитные части армии Великого княжества Литовского, гусары, драгуны, на ходу стреляя из пистолетов. Начали падать солдаты в ротном строю. Строй заколебался.

– Держать строй! – закричал Бейтон. – Целься! Пли!

В голове было пусто. Только механические, затверженные годами повторения. Залп, отход, зарядить мушкет, новый залп. От грохота и криков гудела голова. Отдельные всадники уже прорывались к самому строю. Их встречали пиками и шпагами. Пока успешно. Но было понятно, что это «пока».

– Отходить! – раздался приказ полковника.

Солдаты, дав последний залп, как было условлено, стали отступать между домами Лупулово. Всадники следовали по пятам. Пока удавалось держать их на расстоянии постоянными выстрелами. Шаг. Еще шаг. Расстояние между противниками все меньше. Но и до моста через реку тоже остается немного. Вдруг Бейтон прикинул расстояние до преследователей и понял, что у тех есть вполне реальный шанс ворваться в город на спинах отступающей пехоты. Холодный пот пробил поручика. И, похоже, не его одного.

– Роты Герца, Ван Лейдена – продолжить отступление! Остальные – к атаке готовься!

Солдаты выстроили каре, взяли за пики, бердыши, выставили их перед собой и бросились вперед плотным строем. Преследователи от неожиданности отступили. Несколько всадников уже билось на пиках. Упало и несколько пехотинцев. Но каре двигалось вперед, отбрасывая кавалерию все дальше от моста. Поляки отступили и начали перегруппировку. Воспользовавшись этим обстоятельством, пехотинцы по команде двинулись к мосту и, перебежав по нему, втянулись в ворота крепости. По преследующим их кавалеристам открыли огонь со стен. Враги



отхлынули. Заунывно запели трубы. Польская атака прекратилась. Солнце уже висело над самым горизонтом.

\*\*\*

Огромный черный купол, расцвеченный щедрой россыпью звезд, раскинулся над телегой, где коротал ночь старый полковник. Память. Память, проклятая. Чем старше становлюсь, думал он, тем ближе то, что было в далеком прошлом, тем чаще в него заглядываю. Зачем приехал на Русь? За многим. Конечно, за жалованием. Ведь кроме как воевать и не умел ничего. Да и до сего дня толком не научился. Жила, как и у многих наемников, прибывающих в Московию, мечта о том, чтобы скопить денег и вернуться домой «на белом коне». Ну или, по крайней мере, вернуться состоятельным господином, живущим в свое удовольствие. Но только ли за этим?

Нет. Молодым человеком хотел намного большего, чем могла предоставить погруженная в послевоенные хозяйственные хлопоты империя, намного большего, чем могло дать бедное поместье отца в прусском захолустье. Он хотел славы! Хотел... не то слово. Он ее жаждал. Он слышал ее запах и шел на него. Он видел себя на месте генералов и полковников, близ монарха, в богатом кафтане, на белоснежном скакуне. И даже больше. Видел ордена с собственным профилем, слышал рассказы о себе стариков в трактире или корчме... Он стремился ввысь.

Господи, как смешно и стыдно сегодня об этом вспоминать. Но ведь правда было так. Только славой, ее предвкушением жил он тогда. Все для нее. Только одно словечко выбивало его из колеи. Странное русское слово «воля». Хотя в Могилеве было не до нее. Поначалу, по крайней мере.

\*\*\*

Вечером того же дня в воеводском дворе подводили итоги первого штурма. Потери русских были серьезными. Полегло до роты солдат, рота стрельцов. Не менее полутысячи казаков из могилевского полка, которым вместо изменника Поклонского теперь командовал старый шляхтич Павел Окуркевич. Но потери Радзивилла были намного больше. Уничтожено две гусарские хоругви, три легкие хоругви, до тысячи человек венгерских драгунов. Положение сложное. Но для польских гетманов оно намного сложнее. Втянувшись в посад, они уже не могут оставить Могилев, теряя здесь силы и время. Им придется, продолжая осаду, противостоять идущему с востока Ромодановскому и – с юга – казакам запорожского гетмана Золоторенко. Самим осажденным осталось совсем немного – выжить и выдержать.

– Батюшка воевода, – обратился к Алферьеву Лопухин, полковник стрельцов. – Хорошо бы у колодцев посты выставить да людишкам подвоз организовать. Поляки-то выходы к реке теперь все простреливают.

– И то верно, – согласился воевода. – Распорядись, голубчик. Да, еще и припасы прикажи сосчитать и беречь. Сколько нам сидеть, один Бог знает. Про крепость-то что? Как защищать будем?

– Я думаю, воевода-боярин, – начал ван Букховен, – тут дело нехитрое. Нужно только нашим пушкарям приказать, чтобы пристреляли все высокие дома в посадах. Все холмы. Иначе там пушки поляки установят, смогут городу большой урон наносить.

– Дело говоришь, полковник. Вот Аничков этим и займется. Сделаешь?

– Все силы приложу, батюшка!

– Все силы не надо. Побереги. А вот дело сделай. Понял?

– Как не понять? Понял.

– Вот и хорошо. Думаю, завтра поляки отходить будут от боя, а потом опять полезут. Как считаете, где пойдут?

– Позвольте, воевода-батюшка? – встал Бейтон.

– Говори, поручик, – усмехнулся воевода. – Молод ты годами, да резов. Может, что хорошее скажешь.

– Благодарю! – поклонился Бейтон, гордый, что его мнение выслушивают старшие офицеры. – Самый слабый укрепление с северной стороны, у реки Днепр. Там, скорее всего, будет главный удар. Но, поскольку враг много, а победа ему нужно быстро, пойдут со всех сторон.

– Это, братец, понятно. Предлагаешь-то что?

– Создать отряд солдат, которые быстро бегать. Резерв. Не ставить их на позиции, а бежать там, где есть проблема. А там, где главный удар, поставить четыре пушки. Чтобы стреляли два и два. Снаряд с огнем. И как начнут атаку, зажечь посад.

– И сколько же солдатиков у тебя бегать будут?

– Два рота будет хватить.

– Что думаете, полковники?

– А что? – отозвался Лопухин. – Поручик дело говорит. Запас карман не тянет. А две роты молодцов врага со стен собьют, если те, паче чаяния, поднимутся.

Предложение Бейтона приняли. Две роты солдат оставили в резерве. Установили пушки. Через день начался второй штурм. Радзивилл бросил в сражение почти всю пехоту, но Высокий город и замок взять не смог. Бились в тот раз отчаянно. Шесть раз на прорвавшихся поляков бросали запасные роты, и прорывы удавалось ликвидировать. Штурм отбили. Поляки затаились в пригороде, устанавливая осадные орудия. Начался обстрел города. За неделю враг смог в трех местах серьезно повредить стену, завалить колокольню в городе. Однако ночная вылазка стрельцов позволила уничтожить несколько пушек. Обстрел ослаб. Но наступал голод. Норму питания сократили в два раза. И это воинам. Мирное же население голодало страшно. Все сильнее слышался ропот по улицам и переулкам, хотя до открытого бунта пока не доходило.

Шла весна, но снег все еще лежал на полях. Растопленный снег все чаще заменял в городе воду. Снег же не давал пробиться в город казакам Золоторенко. В марте и апреле Великий гетман предпринял еще три попытки взять город, но с каждым разом все более вялые. Устали осаждающие. У них тоже начинались сложности со снабжением, хотя и несравнимые с теми, которые испытывали в Могилеве русские.

Жидкое варево из муки и лука уже много дней было основной пищей солдат, стрельцов и казаков. И это еще была еда. Жители молили о куске хлеба. Хлеб же выдавали только тем, кто рыл валы и укреплял стены на случай нового штурма. Из хлеба варили жидкую похлебку, чтобы обмануть голод. Но и это было не у всех. Умерших от голода свозили на окраину и хоронили в общей могиле. Только крест над холмом оставался в память о сотнях и сотнях несчастных людей.

Чтобы как-то отвлечься от постоянных мыслей о еде, в свободное время Бейтон все чаще закрывал глаза и представлял себе «русскую волю». Огромное ночное небо в звездах, теплый ветер, конь под тобой. А там, где небо сливается со степью, теплится малый огонек родного дома. Того самого, желанного дома, которого у поручика и не было никогда.

Порой он представлял себе свой полк. Не тот, в котором он служил сейчас, а будущий – его, Бейтона – полк. Идеально подобранные молодцы в синих мундирах с красными обшлагами. Вот они стоят длинным строем. А Бейтон на рослом коне объезжает своих орлов. Когда-нибудь это обязательно будет. В этом молодой офицер был уверен. Это отвлекало, возрождало силы и желание жить. Ну, по крайней мере, притупляло чувство голода, делало его не столь мучительным и постоянным, заставляло не думать об отеках на руках и ногах.

А в середине апреля ситуация резко изменилась. Вскрылся Днепр, и по нему к городу подошли казацкие струги с полками Золоторенко, запасом продовольствия. Помешать их высадке войска гетмана не смогли.

В начале мая, потеряв почти треть армии под Могилевом, Радзивилл и Госневский оставили город, отступив за Березину. Путь на Литву был открыт. Соединившись под Могиле-

вом, русские отряды стремительным броском овладели Слуцком. После недолгой осады взяли Минск и, разбив в сражении Великого гетмана Литовского, вошли в Вильно.

\*\*\*

Уже на подступах к Риге Бейтон получил предписание от генерала Лесли срочно прибыть в ставку под Вязьму. Причины столь срочного и, что греха таить, не особенно приятного распоряжения не объяснялись. Говорилось лишь, что это «воля Государева». Прочитав, поручик усмехнулся. Еще одна «воля». Сколько же их в России?

Впрочем, ему было не до смеха. Только-только забрезжил какой-то шанс на движение вверх. Полковник явно выделял его: часто советовался с ним, ставил в пример. Благоволило к поручику и более высокое начальство, боготворили солдаты. Казалось, что совсем немного – и это воплотится в новые звания, отличия, деньги. И выстроенное ценою стольких усилий положение теперь приходится бросать и ехать куда-то...

Тем не менее, с фатализмом, свойственным наемникам, он показал предписание полковнику и, передав роту (с солдатами попрощался долго, как с родней), отбыл в направлении Вязьмы. Ехал он не один. То же предписание получил и поручик фон Менкен. Более приятного спутника было трудно пожелать.

Но из Вязьмы, где государь оставался по причине морового поветрия, случившегося в ту пору в столице, царский двор уже отбыл в Москву. Пришлось офицерам ехать вслед. Уже по зимнему тракту подъезжали они к столице Руси. Заканчивался 7164 год по русскому летоисчислению (от Сотворения Мира), или 1656-й от Рождества Христова.

Бейтон остановился в знакомой уже гостинице в Немецкой слободе. Фон Менкен предпочел квартировать у друзей. Теперь Альфред иначе глядел на маленькую Германию в Москве. Правда, и Москва на него смотрела иначе: когда он с товарищем приближался по улицам города к Язуе, на уверенного, богато одетого всадника глядели с уважением и опаской (не то что было еще совсем недавно, когда пеший и растерянный молодой человек с невидящим взглядом блуждал по улицам негостеприимной столицы). Это вдохновляло, и когда они въезжали на центральную улицу, именуемую по посадку Немецкой, копыта коня весело выбивали дробь. За это время число домов здесь увеличилось, несмотря на мор. Был выкопан пруд, возле которого на берегу стояло несколько лодок, по зимнему времени вытянутых на берег; высаженные за это время деревья были укутаны тряпьем.

Приведя себя в порядок, надев новый кафтан, указывающий на принадлежность к полку, Бейтон вместе с Отто отправился в Кремль – средоточие российской власти. Зимняя Москва понравилась ему больше летней. Хоть мороз и щипал за нос, но присыпанные снегом улицы выглядели даже нарядно. А на всадника в офицерском кафтане и богатой шубе горожане смотрели снизу вверх, уступали дорогу. В этот раз и Кремль оказался не столь недоступным: предписание с гербом и печатью открыло перед ним ворота цитадели, сделав кремлевских стражников и чиновников намного более гостеприимными. В самом деле, почему он расстроился? Ведь такой вызов может означать и стремительный взлет вверх. Может, его решил приблизить кто-то из русских военачальников или сам монарх – кто его знает? Хотя надежды на это совсем мало. Чудес не бывает.

Дежурный мушкетер проводил их в покои, занимаемые генералом Лесли. Когда поручики, представившись согласно правилам, вошли туда, то обнаружили там еще несколько таких же, как они, иностранных офицеров, столь же настороженно и тревожно смотревших на генерала. Под Смоленском он их не видел. Видимо, были или из дальних гарнизонов, или только что прибыли на Русь.

– Здравствуйте, господа! – начал свою речь военный советник. – Вас собрали здесь, чтобы поручить новое и очень важное дело.

Собравшиеся офицеры затаили дыхание, а генерал продолжал неспешно и значительно:

– Российское государство огромно. Нужно больше года, чтобы проехать его из конца в конец. Так вот, пока государь защищает наши земли на Западе, возникли определенные сложности на Востоке. Местные народы, дикие кочевники, нападают на подданных Великого Государя Алексея Михайловича, не дают собирать дань и вести торговлю, нанося этим огромный вред. Сил же для отпора там совсем немного. И силы эти крайне плохо обучены. Потому Великий Государь повелел направить лучших офицеров (Лесли многозначительно взглянул на собравшихся) для обучения служилых людей в крепость Томск и другие крепостицы и остроги Томского разряда. Вместе с новым воеводой, царским стольником Иваном Бутурлиным, вы направляетесь в эту землю, как только просохнут дороги. Под его началом вы должны организовать обучение войск и защиту самой крепости, окружающих ее деревень и селений. Вам понятна задача?.. Отлично. Все бумаги, подъемные деньги и все полагающееся вы получите в Сибирском приказе. Многие из вас получают следующий чин, увеличенное жалование. Если вопросов нет, то вы свободны. Через две недели выступаете.

Сказать, что Бейтон был ошарашен, – ничего не сказать. Он едва сдерживал себя: неторопливой и взвешенной речью генерала все или большая часть его надежд были развеяны в прах! Даже очередной чин не особенно радовал. Остальные офицеры были потрясены не меньше. Не найдя, что ответить или о чем спросить, они молча вышли из кабинета. Да, Томск – это даже не Московия. Это дальняя и страшная Татария. Страна, которую Бейтон до того видел лишь изредка на краешке карты. Судьба опять преподнесла ему неожиданный сюрприз. Хотя, кто кроме Высшего Владыки, знает, что к добру, а что к худу?..

– Ну что, господа, отправляемся в Сибирский приказ? – спросил он товарищей по несчастью. Те грустно согласились. Впереди лежал огромный и неизвестный путь, холодная и загадочная страна. Было страшновато и обидно. Альфред чувствовал себя обманутым. Рывок вверх не состоялся.

Но вместо погружения в глубины обиды молодой офицер неожиданно ощутил какую-то сладкую дрожь внутри себя. Она звала его туда, манила, сулила невероятные приключения. Именно это чувство он испытал, покидая навсегда родной дом много лет назад. Оно же толкало его в путешествие в Московию. Страшно, но... не понятно, что «но». Но поедет он туда обязательно – вдруг именно это его судьба, его жизнь?

Да и что греха таить, Бейтон надеялся вновь, что там, в далекой Сибири, он все же сможет начать свое восхождение к заветным вершинам. И на безлюдье его действия – а может, и подвиги – будут заметнее. А то, что он сам будет командиром над всеми воинскими силами (по крайней мере, он так понял), внушало оптимизм и дарило надежды. Словом, пока Бейтон с другом получали необходимые предписания и неторопливо ехали обратно в Немецкую слободу, от его сумрачного настроения не осталось и следа. Тем более что и его спутник, фон Менкен, был настроен совсем благодушно. Он уже видел сибирские богатства в своих руках.

## Глава четвертая. В Сибирь

За время, отведенное на сборы, поручик немного узнал будущих сослуживцев. Большая часть офицеров направлялась в более обжитой и значимый Тобольск. В Томский разряд с ним, кроме Отто, направлялись поручики Христиан Рихтер из Вестфалии, Якоб Шнеер из Гольштейна и Ян ван дер Гейден из города Лейдена. Все – офицеры с боевым опытом, возрастом несколько постарше Бейтона, которому еще не исполнилось и тридцати. Немцы служили в рейтарском полку, потому должны будут готовить всадников. Голландец должен возглавить и учить пушкарей. Как ни странно, Бейтон оказался командиром над ними. Трудно сказать, что здесь сыграло роль – может, и вправду Яков Черкасский рассказал о нем монарху... Альфред получил звание капитана и жалование в тридцать рублей в год, новую форму и деньги на покупку коня. Сибирская авантюра пока играла и переливалась всеми цветами радуги.

Представился он и своему будущему начальнику – царскому стольнику Ивану Васильевичу Бутурлину, дородному мужчине немногим старше самого Бейтона. Один глаз будущего воеводы прикрывала полоска темной ткани, отчего в Москве и звали его Кривым. Вида стольник был грозного: высок ростом, широк в плечах; да и повязка вызывала в памяти образ лихих флибустьеров.

Бейтон ожидал, что воевода окажется человеком грубым и высокомерным. Ему уже доводилось сталкиваться с высшей аристократией в России, и это были не самые приятные встречи. Первым делом каждый аристократ показывал иностранцу «его место», отнюдь не почетное. В конце концов, Бейтон взял за правило просто избегать встреч с сильными мира сего. На Руси это было не вполне обычно. Порой даже дворяне, не имевшие связей и протекции, добровольно шли в зависимость к сильным семьям, становясь своего рода «младшими родственниками». Но этот путь был для капитана не привлекателен. Однако здесь дело необходимое: с воеводой Бейтону служить не один год.

Но оказалось, что Бутурлин – человек вполне разумный и, в отличие от большей части московских аристократов, не особенно заносчивый. Пришедшего к нему на двор с докладом капитана встретил ласково, пригласил за стол, что уже было не совсем обычно. Хоромы у будущего воеводы были хоть и деревянные, а богатые и просторные, в два этажа, с надстройками и башенками, называемыми «терема». В окна второго этажа и окна теремов были вставлены стекла; просторный двор с высоким крыльцом к главному зданию. Во дворе – конюшня, баня, амбары. Небольшая домовая церковь, которую русские называли Божница.

В гостиной («светлице», как говорил хозяин) был накрыт стол. Кроме хозяина здесь сидели два юноши, похожие на Бутурлина (явно его сыновья), и мужчина в темном одеянии – видимо, доверенный человек. Хозяин пригласил Бейтона к столу «отведать, чем Бог послал», усадив рядом с собой.

Русскую кухню Альфред не любил. Но у Бутурлина кормили вкусно. Прихлебывая горячие, пряные щи, закусывая пирожками с разнообразной начинкой, расправляясь с жареным мясом, хозяин подробно расспрашивал Бейтона о службе, о жизни. Спрашивал, женат ли тот и почему не женился? Бейтон старался отвечать внятно, благо по-русски говорил уже почти свободно, четко. Лишь небольшой акцент еще выдавал в нем чужеземца. Оказалось, что видел его боярин в смоленском лагере. Слышал о нем хорошие слова от князя Барятинского. А в Могилев прибыл почти сразу после того, как полк Бейтона отправился на Слуцк. Разговор пошел об известных событиях и общих знакомых. Такие тоже оказались. Кажется, воевода доволен своим капитаном.

– А что, капитан, как закончится наем, уедешь в свою Немецчину? – вдруг спросил Бутурлин, лукаво усмехнувшись.

– Пока планов таких не имею, – честно ответил Бейтон. – И ждать меня там некому.

– И то верно. Пошел бы ты через забор лаптем щи хлебать, – непонятно сказал воевода, – если бы ждал там родной человек! Ладно, капитан, не тушуйся. Господь милостив. Найдешь и ты свой дом. А пока угощайся. Девки! – крикнул он в приоткрытую дверь. – А ну тащите-ка нам сладкие заедки да вина.

В комнату вбежала худенькая, стройная девушка лет семнадцати. Девушка как девушка. Синие глазки искрятся, ямочки на щеках. Платок сбился набок, и из-под него наружу выбивался золотистый локон, будто солнечный лучик на стене. Забавная.

– Что хотели, батюшка? – робко спросила она.

– Вот глухая тетеря! – засмеялся Бутурлин. – Заедки давай и вина скажи ключнице, чтобы принесла. – Он обернулся к Бейтону: – Воспитанница моя, Арина. Ох, путанница! – И опять девушке: – Ну, беги. Нечего тебе здесь торчать.

Но на прощание ласково улыбнулся. Бейтон тоже улыбнулся девушке. Воспитанница вспыхнула, поклонилась и выскользнула за дверь.

\*\*\*

Покрытое морщинами лицо Бейтона осветила улыбка. Он помнил эту встречу. Или ему казалось, что помнил. Сколько лет минуло. Целая жизнь пронеслась. А то чувство осталось, теплое и тревожное чувство. Словами не передашь. Только в груди и сейчас сладко и мучительно сдавливает старое сердце. Эх, Арина, Аринушка... Что он увидел тогда в смешной девчушке? Ведь и не скажешь сразу. Черты лица немного мелковаты. Носик кнопкой торчит. Скулы чуть-чуть раздались вширь. Зато глазищи... Огромные, синие, как озера. Утонуть можно. И смотрит так настороженно. Вроде и доверчиво, а с опаской. Волосы белые, как спелая пшеница. Из-под платка коса выбивается. Фигурку под русским сарафаном и не углядишь. Да и не о том оно. Как-то сразу было видно, что девица эта смешная много горя хлебнула. Почему-то хотелось ее защитить от новых бед. Хотя, казалось бы, что ему за дело?

Старик приподнялся на локте и уставился на гладь озера, расстилающегося перед ним. Темный купол неба, усыпанный изумрудами звезд, отражался в воде, удваивался, дрожал и рассыпался на ряби, поднимаемой ночным ветерком. Но Бейтон не видел всего этого. Он снова и снова вглядывался в ту далекую девицу, словно пытаясь понять, высмотреть что-то невероятно важное, что-то, что упустил тогда. Потом, в волнении, сел на телеге, обхватил руками колени и снова пропал в воспоминаниях.

\*\*\*

Через минуту на столе уже стояли сладкие пироги и местное вино, более напоминающее сидр. Впрочем, обстановка за столом была располагающая. А сам хозяин рассказывал вещи крайне важные для капитана.

Томская крепость заложена уже почти полстолетия назад. Местные татары попросились под русское подданство – уж больно их с юга киргизы донимали. Вот город и поставили для защиты. Место богатое, торговое. С севера везут меха, с юга гонят скот, недалеко есть серебряные рудники. Хлеба растут не особо, но растут. Рыба ловится. Дань с тех мест идет в государеву казну. Важное место. Но и не простое оно, и совсем не спокойное. Война там задолго до появления русских началась. С одной стороны воюют киргизы – кочевники, живущие на Верхнем Енисее; над ними стоит Джунгарское ханство. С другой стороны – кочевники мунгалы и их король Алтан-хан. А еще дальше от них – сильная страна Цинь, которая их под себя забрать пытается.

В ходе войны киргизы и джунгарцы собирают дань с ясачных племен, отошедших под русскую длань, совершают набеги на русские городки. Вроде как и слово дали не ходить, а все

одно – грабят. И не сказать, что сил там много. Пять-шесть тысяч воинов на конях с луками – уже армия. Хотя пушки у них тоже имеются. Да только русских-то и того меньше.

В том же Томске стоит приказ трехсотенного состава из городских казаков. Это, как понял Бейтон, казаки, которые не землю пахут, а получают жалование и не платят подати. Что-то вроде стрельцов, только на дальних окраинах. До ближайшего большого города, столицы Сибири Тобольска, тысячи верст. Есть еще несколько крепостей и острогов. Но и там сил не больше. А солдаты, которых называют «служилые люди», – это, насколько понял Альфред, беда и недоразумение, и числом всего-то ничего. Выучкой от тех же кочевников не очень отличаются. Их-то и предполагалось учить Бейтону. Раньше государь хотел тех киргизов под свою руку принять, а теперь думает, как то, что есть, оборонить. Потому и посылает ближнего своего человека и иноземных офицеров.

– Что думаешь, капитан? Справимся? – спросил погрустневший Бутурлин.

– Мы должны справиться! – уверенно ответил Бейтон.

– Ну, дай нам Господь! – хозяин перекрестился на образа. – А ты учи людишек, капитан!

Хорошо учи! Офицеры с тобой хороши?

– Да. Это – люди с боевым опытом, – отвечал капитан.

– Ну, добро, – промолвил воевода. – Господь нам в помощь.

Бейтон понял, что пора откланиваться. Сославшись на позднее время и занятость, он попрощался с будущим начальником.

От Остоженки, где проживал стольник, до Немецкой слободы Бейтон ехал неспешно. Было о чем подумать. Трудная задача у него. Приказ, то есть гарнизон, – это три роты солдат. Да и не солдат еще. Как выйдет? Ладно. До этой крепостицы еще доехать нужно. Вот скоро и тронемся.

Мысль неожиданно вильнула в другую сторону. Забавная эта воспитанница у воеводы. Чем-то приятная. В Московии Бейтона очень раздражало обыкновение состоятельных горожанок и дворянок использовать румяна и белила сверх всякой меры. Было в этом что-то уродливое. А эта девчушка была проста и естественна, и тем привлекала. Кстати, нужно будет потом как-нибудь спросить, что такое воспитанница? Потом... когда-нибудь. Пока не до того. Приходилось метаться по московским присутственным местам, выпрашивая, доказывая, убеждая.

Времени до отъезда остается все меньше. Завтра еще множество дел. С одеждой, кажется, решил. Вот с оружием хуже. В Пушкарском приказе им такую дрянь суют, как будто они не на войну едут, а в лавку старьевщика. Ему удалось выторговать полсотни ружей, несколько новых кавалерийских пистолетов, заряды к ним, две сотни новых сабель, три пушки. Но какие? Ствол весь забит, раковины такие, что каждый выстрел может стать последним и для пушки, и для пушкарей. Впрочем, старье он решил тоже брать. Может, получится на месте починку организовать. А металл некогда был хороший. Еще лошади, телеги, охрана. Право, в полку было проще.

Отто помогал другу, как мог. Но волокита выводила его из себя. В отличие от России, русскую бюрократию он ненавидел люто, и в ее немногочисленности видел еще одно достоинство Сибири. Он кричал, ругался с подьячими. Бейтон, кажется, научился лучше него разговаривать с русскими тыловыми службами. Тоже небыстро, но дело шло. Остальные офицеры, получив жалование, как-то незаметно переложили заботы о добывании полагающегося им снаряжения на их новоявленного командира.

Теперь с кочевниками. С ними Бейтону схватываться не доводилось. Вот вести правильную осаду или залповый огонь – это понятно. А как гоняться по степи за конными дикарями с луками и, как оказалось, с пушками? Фон Менкен считал, что нужно обучить сибирских солдат залповому огню, и дикари не устоят. У Бейтона на этот счет были серьезные сомнения. Залповый огонь по подвижным кочевникам может оказаться не особенно эффективным. Ладно. Путь неблизкий. Подумаем.

Как бы то ни было, а через две недели немалый поезд двинулся из Москвы в сторону Уральского камня и далее в сибирские земли. Ехали не только поручики с капитаном да воевода с челядью: шли служилые и торговые люди, направляющиеся по разной надобности за Уральский камень. Шла полусотня солдат для оберега на случай разбойников. Три офицера ехали с ними до Тобольской крепости. Она была поближе, но отправились вместе. Всадники, возки, подводы и просто телеги тянулись едва не на треть версты. Ехать с воеводой и с охраной безопаснее, потому и сбивались торговые и государевы люди, переселенцы и просто бродяги в такие поезда.

Сыновья воеводы и дочь с женой оставались в Москве. Сыновья – при царской службе, а женщины – чтоб дом и хозяйство приглядывать. Зато воспитанницу Бутурлин захватил. Как он сам объяснил, «чтобы беды с девкой не случилось». Правда, видеть ее у капитана не выходило. Ехала она в закрытом возке с тиуном (так называли управляющего) и ключницей. Это было разумно.

Холода стояли страшные. Ночами трещали от мороза деревья, а воздух от холода становился плотным и вязким.

Капитан старался придать каравану четкую военную форму и последовательность: кто за кем следует, кто за что отвечает. Что-то получалось. По крайней мере, ночами охранники не спали, а горячая еда быстро готовилась на каждом привале. Но днем начиналась неразбериха. Если офицеры и заставляли солдат поддерживать порядок, выставять дозоры и охранение, то с остальными выходило плохо. Купцы старались пробраться поближе к воеводе или к солдатам, челядинцы, следующие за воеводой, шныряли вокруг возка или самого Бутурлина, мешая правильному движению саней и людей. Капитан из себя выходил, загоняя шныряющих назад, в защищенное пространство.

Бейтон долго объяснял воеводе, мол, сейчас это, конечно, не столь важно (до Коломны, куда направлялся караван, места обжитые), но когда они пойдут по пустынным землям, где живут немирные племена, каждый, выбившийся из каравана, может оказаться покойником. Потому и нужно уже сейчас привыкать действовать по правилам. Воевода после недолгого спора о том, что «так не заведено» и «не мы первые в Сибирь едем», все же согласился. Стало легче. Альфред получил возможность пугать ослушников воеводским именем.

Впрочем, если бы не холод, дорогу до Коломны можно было бы назвать отдыхом. Ехали без торопливости, поскольку в Коломне все одно предстояло ждать, когда вскрыется река. Первоначальный план воеводы поехать по льду на санях был им же и отброшен: холодно, опасно. Да и все равно – зимовать в Коломне или в Нижнем Новгороде. Через Каменный пояс зимой идти трудно и опасно.

Бейтон часто говорил с воеводой об их будущем месте службы, о том, как лучше справиться с задачей, которую загадал государь. Были вещи, которые его откровенно удивляли. Он не мог понять сложной субординации провинциальной России. С одной стороны, был воевода-наместник, управлявший территорией. С другой стороны, во многих острогах, крепостях тоже были воеводы, назначавшиеся из Москвы. Подчинялись ли они Бутурлину, в чем они были самовластны – этого капитан понять не мог.

Не вполне понимал он и собственное положение. Он – советник воеводы; кажется, так. По идее, он должен возглавлять создаваемые им роты нового строя. Но в Томске был городской голова, который отвечал за набор солдат, казаков и тому подобных оружных людей. Ему они и подчинялись. А еще были казаки. Они подчинялись казачьему голове, который подчинялся городскому. При этом они подчинялись одновременно Сибирскому и Разрядному приказам. И как-то все это должно взаимодействовать. Он решил поговорить с Отто. Но тот ответил не очень понятно: здесь, сказал, формальная организация ничего не значит. Если умеешь договариваться с людьми, то все будет нормально.

Оставалось надеяться, что на месте он сам разберется.



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.